

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Бог в человеческом обличье



Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган

Бог в человеческом обличье

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

Коган Т. В.

Бог в человеческом обличье / Т. В. Коган — «Эксмо»,
2015 — (Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган)

Олег Громов мечтал познакомиться с Ильей Крестовским, солистом и автором песен модной группы «Waterfall». Громов считал, что нашел родственную душу, читавшую его мысли и облакавшую их в безупречную звуковую форму. Поскольку свести знакомство с музыкантом обычным способом Олег не смог, он придумал дерзкий и хитроумный план. Однако воплотить его в жизнь так и не удалось... Популярный рок-музыкант Илья Крестовский находился в творческом кризисе. Уже год ему не удавалось сочинить ни одной строчки! В поисках озарения Илья в одиночестве уехал в маленький городок, где печально бродил по улицам, не общаясь даже с женой. Закончилось это плачевно: во время одной из таких прогулок музыканта похитили и, словно издеваясь над ним, потребовали... написать новую песню!

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Коган Т. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Коган

Бог в человеческом обличье

© Коган Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

Свет был такой яркий, что на мгновение ослепил. Толпа замерла, загипнотизированная бьющими из софитов лучами, и тут же вздрогнула, застонала, рванула вперед с еще большим остервенением. До начала концерта оставалось полчаса, а зал уже был набит под завязку.

Темноволосый коренастый парень в сером кожаном пиджаке ловко пробирався сквозь людскую стену, не обращая внимания на летевшие вслед выкрики. Он упорно приближался к сцене, прокладывая дорогу между сгрудившимися в фан-зоне зрителями. На его лице застыло выражение досады и упрямства. Казалось, он один осознавал суть предстоящего события и не понимал, что здесь делают остальные люди. Разве они способны постичь настоящий смысл? Они пришли напиться и подергаться под песни известной группы. Ими двигало эгоистичное желание развлечься, хорошо провести время. Он единственный из тысяч псевдофанатов действительно заслуживал право слышать и видеть любимого музыканта – так близко, как только возможно.

Его звали Олег Громов, однако реальному имени парень предпочитал прозвище Гром. Оно гораздо лучше отражало его натуру и душевное состояние. Особенно в последнее время. Он пришел на концерт популярной альтернативной рок-группы, чтобы решить для себя очень важный вопрос.

Что делать дальше?

На сцене возникло какое-то движение, и толпа заревела. Гром напрягся, вглядываясь в полумрак в дальнем углу площадки. Это всего лишь технический рабочий в очередной раз проверил кабели и подключение аппаратуры. Ожидание действовало на нервы. Но Олег прекрасно знал, что выступление не начнется раньше объявленного срока.

Впервые Гром услышал «Waterfall» пару лет назад. Он вел машину с включенным радио, когда из динамиков грянул протяжный гремучий звук бас-гитары, и сразу за ним – приглушенный, уставший, страдающий голос. Это было так мощно и необычно, что Гром свернул на обочину и остановился. Он не мог бы назвать себя меломаном. Он не ходил с плеером, как его ровесники. Не разбирался в современных музыкальных течениях. Он даже в клубы редко навещался, – и то лишь после долгих уговоров друзей.

Когда прозвучал последний аккорд, Олег вырулил на дорогу и поехал дальше, стараясь переключиться на предстоящие дела. Однако услышанная песня не покидала его голову. Поздно вечером, вернувшись домой, он первым делом метнулся к компьютеру и забил в поиске запомнившуюся строчку.

Выяснилось, что состоящая из трех человек группа пять лет назад с оглушительным успехом ворвалась на музыкальный олимп, выпустив дебютный альбом. Критики сходили с ума, пытаясь охарактеризовать стиль их музыки. «Waterfall» называли и психоделическим роком, и брит-попом, и арт-роком. Мгновенно образовавшаяся армия поклонников сошлась в одном: новая группа впитала в себя элементы самых разных направлений. Соединившись в единое целое, они превратились в особый, уникальный, узнаваемый стиль. Главными составляющими стали пробирающий хрипловатый баритон вокалиста, мелодичные гитарные риффы, оркестровые и клавишные аранжировки.

Это было ново и качественно и не могло оставить равнодушным. Слушатели или сразу же очаровывались, или проникались неприязнью. С осторожной заинтересованностью Гром скачал один альбом. Затем второй. Пересмотрел все видео с выступлений. Перечитал все интервью.

Нет, ему не понравились песни «Waterfall». То, что испытывал Олег, было гораздо глубже, чем просто удовлетворение от хорошей музыки. Ему казалось, он нашел родственные души, читавшие его мысли и облекавшие их в безупречную звуковую форму.

Никто не удивляется историям о том, как одна книга изменила чью-то судьбу, перевернула мировоззрение и уклад жизни. А когда речь заходит о музыке, подобное вызывает как минимум сомнение. Ведь даже самая вдохновляющая песня – всего лишь песня, набор звуков, несерьезная потеха. В лучшем случае она повлияет на твоё настроение.

У Олега было другое мнение.

– Эй, подвинься! – Тщедушный подросток нахально толкнул его в плечо и попытался протиснуться к сцене, но, встретив недобрый, застывший взгляд, смешался и отступил.

Гром презирал фанатов. И не считал себя одним из них. Да, возможно, некоторые знали о группе столько же, сколько и он – от биографий до размера ноги вокалиста. Но никто не чувствовал его так, как чувствовал Олег. Когда встречаешь в чужом человеке собственное «я», мир переворачивается.

Сперва Гром с одинаковым интересом следил за судьбой троих музыкантов, но постепенно образ лидера вытеснил остальных. Илья Крестовский был ядром коллектива. Именно он писал музыку и тексты. Двое других участников лишь помогали ему шлифовать шедевры. Бесспорно, ребята были талантливые. Но по сути являлись красивой рамкой для гениальной картины. Без Крестовского они бы не представляли особой ценности.

Чем больше Олег вслушивался в слова песен, тем сильнее хотел узнать личность человека, создавшего их. Несмотря на популярность, информации о группе было немного. Музыканты не жаловали журналистов и не распространялись о личной жизни. Пронырливым папарацци удавалось раздобыть отрывочные сведения, но эта жалкая капля в море не могла удовлетворить голод поклонников.

И тогда Гром решил действовать сам. На сайте группы нашел адрес электронной почты и написал Крестовскому письмо. Вежливое, сдержанное. Представился, сообщил, что уважает его творчество и крайне заинтересован в знакомстве или эпизодическом общении. Наивный порыв. Но Олег верил, что непременно получит ответ. Между ними существовала невидимая связь. На каком-то энергетическом уровне они не только знали друг друга, но были друзьями, братьями даже. Крестовский должен был это почувствовать.

Через неделю Олег и правда получил ответ. Сухими канцелярскими выражениями ему сообщили, что «Waterfall» признателен за проявленный интерес к группе и надеется увидеть поклонников на своем концерте.

Гром никогда не жаловался на недостаток внимания к собственной персоне. К 25 годам он отлично устроился. Отучился в престижном заграничном вузе, занимал руководящую должность в компании отца и в целом был доволен жизнью. Он редко получал отказы. Если ему сильно чего-то хотелось, собственная настойчивость и папины деньги рано или поздно приносили желаемое.

Впервые его запрос проигнорировали со столь холодной циничностью. Понадобилось несколько часов, чтобы унять негодование и взглянуть на произошедшее трезво. Скорее всего в обозначенный на сайте ящик вокалист даже не заглядывает. Ответы строчит пиар-менеджер. Следовало найти способ связаться с Крестовским напрямую.

Наверное, со стороны подобное поведение сильно смахивало на одержимость. Сам Гром не видел в своем намерении ничего нездорового. Многие дети богатых родителей растут с мыслью о том, что все в этом мире возможно, а любое желание осуществимо. Олег не был исключением. Часто отец заставлял его читать биографии великих людей, уверяя, что чужой успех вдохновляет. Но судьбы незнакомцев, пусть и преуспевающих, мало увлекали Олега. Он был сосредоточен на себе. До того момента, пока не услышал «Waterfall»...

– Поверить не могу, что увижу сегодня Илюшу! Он такой классный! – зашушукались стоявшие рядом подружки.

– Ты же знаешь, я больше от ударника тащусь! Он такой экспрессивный!

Гром отодвинулся на пару шагов в сторону, чтобы не слышать их пошлых реплик. Большинство фанатов видело в музыкантах лишь растиражированный образ, внешний облик, форму. Гром видел содержание.

Свет погас, погрузив зал в кромешную темноту. Толпа заулюлюкала. В ту же секунду прожекторы вспыхнули, выплунув кроваво-красные, дрожащие лучи. По сцене поползли розовые клубы тумана, за которыми постепенно проступали три силуэта. Зрители заревели от восторга, и Олег ощутил, как невольно заряжается всеобщим ликованием. Это был не первый концерт «Waterfall», который он посещал, но каждый раз пульс предательски ускорялся, а в районе солнечного сплетения появлялась тягучая невесомость. Гром отказывался верить, что то же самое испытывают сейчас все остальные зрители. Нет. Его эмоции уникальны.

Первая порция низких вибраций прокатилась тяжелой волной. Барабанщик ударил по тарелкам, истерично взвизгнула гитара. Гром узнал мелодию. Это была одна из его любимых песен.

Солист сжал ладонью микрофон и навис над ним, словно бы примериваясь к стойке. Аккорд оборвался, барабаны забили тихий тревожный ритм. Илья пропел первую строчку, и зал подхватил, заволновался, взметнул к потолку тысячи рук.

Гром не отрываясь смотрел на кумира, впитывая каждую ноту, каждую вибрацию голоса, в котором было столько надрыва и нерва, сколько не способна вместить ни одна человеческая душа. Звук разрастался, обретал мощь; казалось, еще немного – и он разрушит бетонные стены и вырвется на свободу, погребя под обломками и оцепеневших зрителей, и самих музыкантов.

На огромных экранах мелькали то барабанные палочки ударника, то пальцы бас-гитариста, то сосредоточенное лицо солиста. Олег стоял от Крестовского в нескольких метрах, но понимал, что тот ни за что его не увидит, не разглядит среди темной беснующейся массы, бьющейся о края сцены. Это было обидно и унижительно.

Полгода назад Гром нанял частного детектива, и тот отлично справился со своей работой – предоставил массу информации о прошлом и настоящем Ильи Крестовского. Несмотря на кажущуюся разницу, у них с Громом имелось много общего. Только это ни капли не помогло Олегу: Крестовский по-прежнему игнорировал его письма, на телефонные звонки не отвечал, от выступлений на частных вечеринках отказывался.

Несколько раз Олег караулил кумира у подъезда его дома, но так и не отважился подойти и заговорить. Крестовский воспринял бы его как очередного фаната, расщедрился бы на автограф и сразу же забыл о его существовании. Олегу требовалось нечто совсем иное. Ему хотелось познакомиться на равных. Только так между ними смогли бы возникнуть правильные отношения.

– Я люблю тебя, Илюша-а-а-а! – проорала стоявшая впереди девушка. – Ты лучши-и-ий!

Гром был в отчаянии. Кажущее благополучие могло обмануть родных и друзей Олега, но не его самого. В огромной замысловатой конструкции, составлявшей его жизнь, не хватало одного важного элемента, крохотной детали, без которой механизм не работал. И плевать, что это напоминало наваждение. Все встанет на свои места, когда Гром добьется цели. Если добьется...

Песня сменялась песней, мелодичные композиции перетекали в резкие гитарные соло, ровный шепот срывался на крик... Солист стоял в круге мелькающего света, в простых джинсах и белой майке. Его голубые глаза блестели, по вискам тек пот, на шее над ключицей пульсировала вена. Его правое запястье обхватывал широкий кожаный ремешок – талисман, с которым Крестовский никогда не расставался. Возвышавшийся над зрителями певец казался богом в человеческом обличье. Живым и одновременно недоступным, непостижимым.

У Олега закружилась голова. Дыхание перехватило, ноги стали ватными. Он закрыл глаза, пытаясь отрешиться от терзающей зал энергии. И вдруг абсолютно четко понял, что нужно делать.

Глава 2

Две недели спустя

Из окна гостиницы открывался унылый вид на переулок и засаженный чахлыми деревьями сквер. Даже сейчас, в конце лета, когда зеленая трава и слепящее солнце придавали пейзажу жизнерадостности, это было не самое вдохновляющее зрелище, а уж как оно выглядит осенью – лучше вовсе не думать.

В наушниках играла «Purity» группы «Slipknot». Мрачная, странная песня как нельзя лучше соответствовала настроению Ильи. Он постоял еще какое-то время, невидяще глядя сквозь пыльное стекло, вслушиваясь в медитативные басы, и вернулся в спальню.

На кровати стояла спортивная сумка, на полу валялись кроссовки и полотенце, на тумбочке заряжался мобильный. На дисплее высвечивалось три не отвеченных вызова. Илье не нужно было проверять: он и без того знал, что звонила жена. Не очень-то он красиво себя ведет. Она переживает, а ему лень написать короткое сообщение с просьбой не беспокоиться. Илья отлично понимал, что не прав. Но угрызений совести не испытывал. Он устал. Когда *так* устаешь, перестаешь думать о других.

Илья повернулся к висевшему на стене зеркалу и усмехнулся собственному отражению. Никто бы не поверил, что известный на всю страну и за ее пределами музыкант, звездный фронтмэн рок-группы «Waterfall» Илья Крестовский уже вторые сутки прозябает в дешевом отеле в богом забытом городке Подмосковья.

Вряд ли бы кто-то понял, что им двигало. Три дня назад он вернулся домой после последнего в этом сезоне концерта, наскоро собрал сумку и уехал на вокзал. Купил в кассе билет на ближайший поезд и спустя несколько часов сошел на станции захолустного городка. Ему нужно было вырваться из Москвы. Во что бы то ни стало.

Гастрольный тур прошел на ура. Газеты пестрили положительными рецензиями, фанаты наводняли Интернет впечатлениями от концертов. Все без исключения считали, что «Waterfall» находится на пике своего творчества. И только Илья осознавал всю глубину подобного заблуждения.

Полтора года.

Целых полтора года он ничего не создавал.

Поклонники не чувствуют подвоха, продолжая смаковать два первых удачных альбома. Пока им еще хватает. Пока они еще не видят неминуемо близящуюся катастрофу. Но себя не обманешь. Илья перестал писать. И понятия не имел – сможет ли когда-то вновь.

Нельзя сказать, что он с детства грезил о карьере музыканта. Музыка являлась неотъемлемой частью его жизни, но он никогда не задумывался о ее значимости, как не задумываешься о воздухе, которым дышишь. Юный Илюша охотно ходил в музыкальную школу, но с не меньшим интересом посещал и разные секции. Он увлекался сотни раз, и сотни раз новый, яркий и, казалось, единственный смысл ослеплял и ускорял сердцебиение. В такие моменты Илье чудилось, что он нашел то самое. Цель, смысл, предназначение. На душе становилось легко, мир приобретал конкретные черты, становился простым и понятным. Ровно до того дня, когда ощущение новизны притуплялось.

Илья возвращался к фортепиано и гитаре и выплескивал свою обиду рвущейся из-под пальцев мелодией.

Верь он в Карму, его Карма носила бы имя Неопределенность. Словно бы в прошлой жизни он был непреклонным судьей и выносил безапелляционные приговоры. И теперь расплачивался.

Илья повзрослеет, сменит множество работ и увлечений. И однажды поймет, что по большому счету ничего не меняется. Как бы ни велико было стремление наполнять жизнь чем-

то новым – это всего лишь дорога, ведущая по кругу. Все повторяется. Все остается прежним. Ты испробовал так много, но ни в чем не нашел удовлетворения. И этот шум, назойливый, непрекращающийся шум в голове, в котором невозможно разобрать ни связной фразы, ни заметной интонации. Лишь одно слово, которое ты ненавидишь.

Неопределенность.

Зазвонил мобильный. Несколько секунд Илья колебался, затем вынул наушники и решительно взял трубку.

– Я уже думала, что ты никогда не ответишь, – с облегчением выдохнула Марина. – Куда ты сбежал? С тобой все в порядке?

– Прости, – не слишком искренне ответил он. – Захотелось побыть одному.

– Я могу чем-то помочь? – жена говорила бодро, изо всех сил маскируя обиду. Она никогда бы не опустилась до истерики или претензий. Илье с ней здорово повезло.

– Я исчезну на какое-то время. – Он помолчал. – Не теряй меня, ладно? И не паникуй. Мне просто нужен перерыв.

– Перерыв? – Марина хотела сказать колкость, но удержалась. – Что случилось? Я не понимаю.

– Ничего не случилось, – он начинал раздражаться. – Давай отложим этот разговор до моего возвращения.

В трубке повисла тишина. Илья сел на кровать и повалился на спину, в изнеможении закрыв глаза. Необходимость отчитываться и объяснять свои поступки выводила его из себя. Почему нельзя жить проще?

Жена будто почувствовала его состояние.

– Хорошо, Илюш, если тебе это нужно... – она осторожно вздохнула. – Что передать парням? Они будут спрашивать.

– Передай – пусть не парятся и отдыхают. У нас целый месяц свободный.

– Ладно, – Маринин голос звучал расстроено. При других обстоятельствах Илья бы постарался проявить чуткость и утешить ее, но сейчас жаждал поскорее завершить беседу.

– Целую. Не грусти, – бросил он и поспешно нажал на «отбой».

Нехороший получился разговор. Потом он обязательно извинится за свою грубость.

Они познакомились семь лет назад. Ему тогда было двадцать, Марине – двадцать семь. Она работала терапевтом в городской поликлинике, а он метался от одного дела к другому, не зная, чему отдать предпочтение. Марина казалась такой взрослой, умной, уверенной. Ее жизнь напоминала расписанный по минутам график, где все четко и просто. Ни рефлексии, ни терзаний о будущем. Рядом с ней Илье становилось спокойнее. Именно Марина подтолкнула его к тому, чтобы всерьез посвятить себя музыке. Через полгода после знакомства он сделал ей предложение, и она согласилась. А еще через полтора года он записал первый альбом.

Илья до сих пор толком не понимал, как это произошло. Он набросал несколько композиций и показал их двум товарищам. С Мэтом и Крепостным они дружили еще со школы. В старших классах они даже организовали собственную группу. Матвей был ударником от бога, а Крепостной недурно играл на бас-гитаре. Какое-то время они активно репетировали, и вскоре у них стало получаться. Но начались выпускные экзамены, затем вступительные, и встречи плавно сошли на нет. Учась в разных институтах, друзья поддерживали отношения, но идея о создании собственной группы больше их не посещала. До того момента, как Илья не встретил Марину.

Наверное, метафизические метания юнца забавляли ее, но она никак этого не выражала. Наоборот, с предельной внимательностью выслушивала сомнения, задавала наводящие вопросы и деликатно подсказывала решения. Никогда и ни с кем прежде Илья не проявлял такой откровенности. Эта легкость окрыляла, заставляла поверить в невозможное. Когда он наигрывал Марине только что сочиненную мелодию, она цепенела от восторга. Подобная реак-

ция здорово вдохновляла. Илья продолжал сочинять, чтобы снова увидеть собственное отражение в больших, широко распахнутых, влюбленных глазах.

Любил ли он сам? Было бы проще, существуй универсальное определение любви. Прежде он испытывал увлеченность, признательность и азарт, теперь – нежность, признательность и усталость. По большому счету они были совершенно разными людьми...

Пожалуй, стоило пройтись. Оставаться в четырех стенах наедине со своими мыслями – занятие на любителя. Тем более что провинциальные городки – настоящий подарок для мало-мальски известного артиста. Можно смело гулять по улицам без боязни быть узнанным. Даже если прохожему покажется знакомым твое лицо, вряд ли он придаст этому значение. В самом деле, каким ветром занесет звезду в глухомань? Звезды предпочитают мегаполисы.

Илья достал из сумки чистую футболку и направился в ванную, когда внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд, словно кто-то уставился ему в затылок. Илья оглянулся. В комнате никого не было. Лишь на оконном стекле бликовало мягкое вечернее солнце.

Он долго стоял под душем, стараясь избавиться от неприятного ощущения присутствия посторонних глаз. Странно, почему он так разнервничался?! Обычно мыслил рационально. Допускал мистические явления, но скорее как гипотетическую вероятность, нежели объективную реальность. А сейчас и прецедента не имелось. Подумаешь, померещилось черт знает что. Зачем себя накручивать?

Вышел из номера, когда уже смеркалось. Пересек переулок, обогнул сквер и двинулся наугад по широкой, унылой улице. Редкие прохожие неторопливо шагали по тротуару, автомобили ехали тихо и словно бы заторможенно. И невысокие старые дома, и понурые от жары деревья, и немногочисленные горожане казались придавленными тяжелой, монотонной тишиной. Возникни у Ильи вдохновение, он бы описал этот городок в минорных, тревожных тонах.

Он слонялся бесцельно, поддавшись нахлынувшей апатии, и почти ни о чем не думал. Вряд ли он верил, что неожиданный побег поможет найти ответы. Но надеялся, что одиночество создаст благоприятный фон для попытки разобраться в самом себе.

Проходя мимо красивого, отреставрированного здания, Илья остановился. Из распахнутых настежь дверей доносились голоса и звуки танго. Вывеска на стене гласила: «Милонга Сентиментале».

В такой дыре танцуют аргентинское танго? Илья присвистнул от удивления. Надвинул козырек бейсболки пониже и неуверенно вошел внутрь. В небольшом зале с приглушенным светом танцевали несколько пар. За расставленными по периметру столиками сидели еще человек двадцать. Справа, в дальнем углу, располагалось что-то вроде барной стойки. Илья последовал напрямик туда. Заказал пиво и стал наблюдать за танцорами.

Публика подобралась разношерстная, уровень владения танго – примерно одинаковый. Никто не пытался изображать страсть, все двигались чинно и плавно. Илья неодобрительно хмыкнул. Зачем учиться самому темпераментному танцу на Земле, чтобы потом гасить его однообразными, правильными до оскомины движениями?

Стоявшая за барной стойкой девушка то и дело бросала на Илью быстрые взгляды. Он убрал со стола руки и развернулся к залу, чтобы не смущать ее своим неподобающим видом. Он и правда не слишком вписывался в окружающую обстановку. Татуировки на предплечьях, сережка в ухе, расхлябанные джинсы... Он смотрелся гармонично на сцене с электрогитарой в руках перед беснующейся толпой, а никак не в этом одухотворенном, старомодном сообществе.

А между тем (фанаты об этом не узнают никогда) Илья довольно хорошо танцевал танго. Марина буквально силой приволокла его на пробный урок, а потом сто раз пожалела. В новый опыт Илья нырнул с присущей ему страстностью, и Марина не успевала за его скоростью, терялась. Уже в первый год обучения, будучи лишь поверхностно знаком с основами, он пытался

экспериментировать. Получалось неидеально, неровно, но партнерши оставались довольны. Жена продержалась несколько месяцев и бросила занятия.

Илья уже давно не танцевал танго. Увлечение прошло, появились другие интересы. Имидж тоже требовал определенных ограничений. Поклонники не умеют да и не хотят видеть в своем кумире разностороннюю личность. Жизнеспособный идол должен быть одноцветным, монолитным, удобным для обожания.

Илья машинально крутил кожаный ремешок на запястье и изучал сидящих девушек. Каждая жаждала быть приглашенной. Одна демонстрировала это явно: ловила мужские взгляды, улыбалась, качала ножкой. Другая вела себя сдержанней: следила за парами и нетерпеливо кусала губы. Третья стыдилась необходимости ждать, когда ее выберут, и делала вид, что не слишком рвется на танцпол: копалась в сумочке, посылала sms, подливала минералку в полный бокал. Последние привлекали Илью сильнее остальных. Такие гордачки обычно оказываются не просто отзывчивыми, но готовыми на смелые эксперименты.

Диджей включил «Либертанго» Астора Пьяцоллы. Великолепная мелодия, одна из лучших у этого композитора.

Илья встретился взглядом с симпатичной молодой женщиной, сидевшей в нескольких метрах от него. Он двинулся к ней, чтобы пригласить на танец, но внезапно передумал и направился к выходу из зала. Девушка разочарованно повела плечом, но Илья этого уже не увидел.

На улице посвежело. Илья вставил в уши наушники, выбрал трек и нажал на «play». Он рассчитывал немного пройтись, а затем спокойно вернуться в гостиницу, завершив еще один бессмысленный день.

Он загулялся до полуночи, плутая среди безликих пустынных переулков. Было темно. Лишь в редких окнах горел свет. Начал накрапывать дождь. Илья шел неторопливо, наслаждаясь пасмурным вечером. Ему нравилось темное время суток. Ночь пахнет по-особенному. Иногда после концерта он садился в машину и гнал в неизвестном направлении. В открытые окна врывался ветер, мигающие огни проносились мимо. И чем заметнее стрелка спидометра отклонялась вправо, тем спокойнее билось сердце. Тревоги и заботы оставались где-то позади, голова становилась легкой, пустой.

Впереди маячила автобусная остановка. Илья собирался поймать такси, но вздрогнул от неожиданности, когда рядом затормозил автомобиль. Он обернулся и ничего не увидел. Совсем ничего. Только почувствовал – сначала резкий больничный запах, а затем падение.

Похоже, ему снился кошмар. Он просыпался, делал попытку встать с кровати, чтобы добраться до холодильника и достать минералку, но тело не слушалось. Неужели заболел? Но с чего вдруг? Мышцы налились тяжестью, было трудно просто протянуть руку, чтобы взять телефон и посмотреть время. Тело будто онемело; кончики пальцев покалывало. Илья с трудом разлепил веки, надеясь по картине за окном определить время суток. Резкая головная боль заставила его закрыть глаза. Он провалился в дремоту.

Он то просыпался, то вновь впадал в странное забытие. Ночь длилась бесконечно. В какой-то момент Илья почувствовал себя лучше и смог разомкнуть веки. В помещении было темно, смутно угадывались стены и дверь. Что-то в окружающей обстановке показалось ему странным. Он не удивился. Вероятно, непривычное состояние являлось признаком зарождающейся болезни. Ангина, что ли?

Голова по-прежнему раскалывалась. Илья пошарил рукой на тумбочке, где оставлял мобильный, но телефон не обнаружил. Он приподнялся, чтобы посмотреть в окно. Окна не было.

Илья бесшумно рассмеялся. Похоже, у него жар и галлюцинации. Он уткнулся лицом в подушку и какое-то время лежал не двигаясь. Затем решительно поднялся, нащупал стену и стал продвигаться вперед. Добравшись до двери ванной, включил свет и зажмурился. Снял

одежду, залез под душ, повернул вентиль холодной воды и сразу же почувствовал, что окончательно проснулся.

Вернулся в комнату, уговаривая себя не паниковать. Всему есть логическое объяснение. Очевидно, что он не спал. Так же очевидно, что это не гостиничный номер. Свет из открытой двери ванной рассеивал сумрак комнаты. Помещение напоминало благоустроенный подвал без окон. Гладкие серые стены, ламинатный пол. Из мебели – узкая кровать с металлическим изголовьем, стол и стул. В дальнем углу – витая лестница наверх, тоже металлическая.

Илья медленно поднялся по ступеням и замер перед массивной деревянной дверью. Подергал за ручку – заперто. Толкнул плечом, но дверь даже не дрогнула.

– Эй! – позвал он и снова покрутил ручку. – Есть кто живой?

Никто не ответил.

Бессмыслица какая-то. Илья похлопал по карманам джинсов – ни мобильного, ни бумажника. Забрали даже ключи и наушники.

«Ну, хорошо. – Илья попробовал включить логику: – Если меня хотели просто ограбить, то зачем приволокли в это место?»

Он спустился по лестнице, сел на кровать и открутил события назад. На милонге он выпил лишь одну бутылку пива. Ни с кем не флиртовал, не танцевал, не общался. Спокойно вышел из здания, побродил по улицам. Никто его не узнавал, не останавливал, не просил автограф. Воспоминания обрывались на том месте, когда сквозь игравшую в наушниках музыку он различил движение за спиной. Последнее, что запомнил – омерзительный запах лекарств.

Его что, усыпили эфиром, как в старом добром кино?

Серьезно?!

В голове проносились десятки вариантов, рациональных и не очень рациональных причин. Порой возникали совсем уж абсурдные гипотезы. Например, Илья мог не заметить, как напился до поросычьего состояния, подцепил дамочку и провел ночь у нее дома. Внезапно появился ее муж, и она спрятала любовника в подвале, а утром вместе с благоверным ушла на работу. В таком случае вернется в обед или вечером и выпустит горе-любовника на волю.

Наиболее вероятной была иная версия: кто-то все-таки признал в нем лидера известной группы и решил похитить с целью выкупа. Хотя на спонтанное похищение это не очень-то походило. Усыпляющее средство, подготовленный подвал – в ванной нет зеркала, бритвы или иного гипотетически опасного предмета. Скорее всего за Ильей уже давно следили, выжидая удобный момент. В таком случае его внезапный побег из Москвы сработал им на руку. В данной версии непонятно только одно: почему похитители не выбрали более обеспеченную жертву? Илья нормально зарабатывал, но богачом не являлся.

Окончательно измучившись поиском ответов, он решил занять выжидающую позицию. Тем более ничего другого не оставалось. Виновник этого бреда рано или поздно объявится и поведает о своих намерениях. А пока неопределенность снова подмигивала Илье. Он громко рассмеялся.

Глава 3

– В детстве, на тренировке, когда мы качали пресс, тренер говорил: «Делаем до предела. После того как почувствуете, что больше не можете, – делаете еще столько же. А после того, как не сможете реально, – делаете еще несколько раз», – Вика усмехнулась и поднесла мобильный к другому уху. – Иногда мне кажется, что я больше не могу ждать. А потом проходит еще один день, и еще один, и еще. А я до сих пор функционирую и даже не сошла с ума... – Она помолчала. – Знаешь, Сема, давай позже поговорим. Сейчас я не самая коммуникабельная.

Она положила трубку прежде, чем друг на другом конце провода успел отреагировать.

Это было отвратительное, тягостное лето. Больше всего на свете Вика не любила ждать. Лето проходило под знаком ожидания. А началось все в конце весны. Она листала какой-то журнал, задержалась взглядом на красочной картинке... Впрочем, нет. Началось все гораздо раньше.

Вика никогда не отличалась спонтанностью. Даже свою будущую профессию она спланировала в детстве. Ей нравилось играть в библиотекаря, брать книги с полки и выдавать воображаемым школьникам. Любимым развлечением с пяти лет было бродить между стеллажей в книжном магазине. Маленькая Вика выбирала приглянувшийся томик и деловито листала страницу за страницей, делая вид, что погружена в чтение. Продавцы узнавали странного ребенка в лицо и всю потешались. Они абсолютно точно знали, что ребенок читать не умел.

В семь лет, едва научившись составлять слоги, Вика издала первую книгу. Книга была размером с ладонь, склеена из клетчатых листочков бумаги, напечатана фломастером, оформлена в дизайнерских традициях советского книгоиздания. Не так давно, ковыряясь в родительском гараже, девушка отыскала свою первую опубликованную книжку. Один уголок был немилосердно отъеден мышами, но в целом фолиант сохранился. Раньше все делали на века.

Словом, практически с младенчества Вика Волина знала, что станет писателем.

И стала.

Гениальностью она не отличалась, но писала неплохо. Тиражи раскупались, в прессе появлялись пристойные отзывы, и даже поклонники присылали письма, в которых благодарили за творчество. Все шло по плану. Пока в один не самый прекрасный день Вика не осознала, что больше не может писать.

Волина не верила в музу и вдохновение. Бывали моменты, когда писалось легче, бывали – когда тяжелее. Обычный рабочий процесс, лишенный неуловимых иллюзорных вибраций, байками о которых так грешат творческие люди. Нужно заставлять себя работать вне зависимости от погоды, желания или настроения. Нет в писательском труде никакого волшебства и возвышенных субстанций. Сплошная логика и математика. Выделить центральные линии, добавить интригу, правильно скомпоновать составные части – и вот тебе нормальный, добротный роман.

Так Вика считала ровно до того момента, пока не открыла документ Word и не смогла напечатать ни единого слова. Первый раз она не придала этому значения. На второй заволновалась. На третий запаниковала. День за днем она сидела перед ноутбуком не в состоянии выдать ни строчки. В голове роились сотни идей, но ни одна не воплощалась в словесную форму. Волина выбегала на улицу, пытаясь уловить в воздухе новый сюжет, который бы заставил ее пальцы лихорадочно порхать по клавиатуре. Тщетно.

На фантазию Вика не жаловалась. Проблема была в другом. Ей требовался замысел, способный взорвать мозг, стереть все желания, кроме одного-единственного – поскорее зафиксировать мысль на бумаге. Но такого замысла не возникало.

Издатели звонили с завидной регулярностью, интересовались, как идет процесс создания очередного романа. Сначала Вика врала, что все под контролем, она пишет и скоро пришлет рукопись. Затем говорила, что пребывает в краткосрочном творческом кризисе. А потом перестала отвечать на звонки.

За последние пять лет она опубликовала девять книг. Каждое утро последних пяти лет ей было что сказать. Каждый день последних пяти лет наполнял ее восторгом, а каждый вечер – удовлетворением от удачно выполненной работы. Внезапно привычный график рухнул ко всем чертям. И чем отчаяннее Вика пыталась восстановить его, тем призрачнее он становился. Из жизни ушло нечто важное, придававшее смысл существованию. И Вика была бессильна что-либо изменить.

Она продолжала ходить на работу. Ненавязчивая должность офис-менеджера позволяла не ждать гонорара от продаж книг, а иметь небольшой, но стабильный доход. Но когда к обеду срочные дела были решены, а писать книгу не получалось, становилось невыносимо скучно. Вика подпирала кулаком подбородок и смотрела в окно, чувствуя себя бездарной актриской, отыгравшей в массовке и непонятно зачем задержавшейся на съемочной площадке.

Вечерние сумерки опускались на город, извещая о конце рабочего дня. Вика возвращалась домой, наливала чай и снова глядела в окно. Прохожие спешили куда-то. О, как она завидовала им! Ведь у каждого из них была какая-то цель. Пусть ничтожная, но все-таки цель. Выгулять собаку, приготовить ужин, не пропустить сериал, позвонить приятелю, поделиться сплетнями, успеть на спектакль, заскочить в магазин...

Тысячи горящих окон кричали о своей востребованности в ночную пустоту. В ее окне было темно. Она не включала свет, чтобы не видеть в зеркале одинокого отражения. Раньше Вику не пугало одиночество. Любимое занятие спасало от ненужной рефлексии. Мужчины появлялись и исчезали – а творчество оставалось. А теперь... Вика сидела в четырех стенах с желтыми, почти бесцветными обоями (сколько раз собиралась поклеить новые!) и чувствовала себя такой же бесцветной, покрытой тонким слоем пыли...

Викой завладела беспросветная, утомительная депрессия. Впервые в жизни присущее ей здравомыслие молчало и не подсказывало решение. До недавнего времени Волина знала, чего хочет и как этого добиться. Так что же изменилось сейчас? Ведь она так же полна сил и жаждет творить. Неужели она ошибалась, полагая, что вдохновение – это выдумка ленивых и бездарных? Легко ссылаться на отсутствие музыки, когда не хочешь работать или не наделен талантом. Неужели все эти годы пресловутая муза незримо присутствовала рядом? В таком случае, почему она исчезла и где ее искать?

В новых знакомствах? Но люди стали раздражать Вику. Мысль о необходимости завести беседу с незнакомцем приводила ее в замешательство. В путешествиях? Она не любила смену обстановки. Друзья удивлялись: посещать разные страны так увлекательно! Вика улыбалась: бродить в книжном магазине куда интереснее. Подруги советовали увлечься тем, кто гарантированно не ответит взаимностью. Страдания пробуждают сильные эмоции и поспособствуют творчеству. Волина отвергала и эту идею, ибо знала точно: от эмоционального дисбаланса рождается поэзия. А для прозы необходимы покой и душевная гармония.

Вика отдала бы много за крошечный намек, в какую сторону двигаться, чтобы восстановить утраченное умение. Она не верила в глобальный смысл жизни, единый для всего человечества, считая, что у каждого – свой собственный. Ее смысл был до смешного очевиден. Но с недавних пор недостижим.

Бессилие угнетало и нервировало. Вика почти жаждала отчаяния, ведь когда ни на что не надеешься, перестаешь злиться. Смирение – комфортный образ жизни для уставших от борьбы. Но она не отчаивалась, будучи уверенной, что любую ситуацию можно изменить. И этим лишь усиливала страдания.

Иногда у Вики мелькала мысль, что она слишком заиклена на своей цели. И эта заикленность активировала мерзкий, отвратительный принцип: «Судьба дает нам желаемое, когда мы научились обходиться без него». О нет! Волина не собиралась сдаваться. Пусть творческий кризис затянулся, пусть жизнь кажется пустой. Однажды непременно найдется правильный катализатор, который выведет ее из анабиоза.

Проходил месяц, второй, десятый – и ничего не менялось.

Весна промелькнула незамеченной. Конец мая выдался по-летнему жарким. Вика бродила по парку, куда часто навещалась после работы. Сестра ждала на скамейке неподалеку от детской площадки.

– Я знаю, что тебя сто процентов выдернет из апатии, – вместо приветствия сообщила Рита.

Вика перевела взгляд на игравшихся в песочнице детей, потом снова посмотрела на сестру:

– Дай угадаю. Мне нужно родить ребенка?

Рита притворно нахмурилась:

– С тобой неинтересно. И да, роди ребенка. Тогда на рефлексии у тебя не останется ни сил, ни времени. И все наладится.

– Серьезно?

– Все будет хорошо.

– Это из книги «Тупые фразы, которые ничего не меняют»? – Вика уселась рядом и указала пальцем на сумку сестры. – Новая? Симпатичная.

– Не переводи тему! – Рита переставила сумку на другой край скамейки. – Дети – это цветы жизни.

– Мне больше деревья нравятся, – она улыбнулась, предчувствуя, какую вызовет реакцию. – Из них книги делают.

– Дурная ты, – рассердилась сестра. – Одержимость никогда ни к чему хорошему не приводила.

– Ты сегодня так и сыплешь штампами. Что, сын опять всю ночь орал, спать не давал? – подколола Вика. Они с сестрой никогда не были близки. Для Риты самым важным являлась семья, и она не только не понимала, но и осуждала тех, кто имел иные приоритеты.

– Ладно, не обижайся, – Вика примиряюще погладила ее руку и, заметив торчавший из сумки журнал, заинтересовалась: – Что за чтиво?

– Альманах путешественника. Выбираем с мужем, куда бы поехать.

Вика достала журнал и принялась листать его:

– Уже решили куда?

Рита пожала плечами:

– Куда-нибудь к морю, ясное дело. Я воду люблю.

– Почему не сюда? – Она указала на фотографию живописного водопада.

– Это что? – Рита прочитала подпись. – Ниагара. Круто, но много возни с визами в США или Канаду. Говорят, это крайне муторно. Да и десятичасовой перелет с ребенком это жест.

Вика с интересом разглядывала картинку. В детстве они с сестрой часто играли в «Познавательную географию». Нужно было тянуть карточку с вопросом и быстро искать изображение ответа. Она всегда первой находила рисунок Ниагарского водопада, когда попадался вопрос о самом мощном и широком водопаде в Северной Америке. Снимок в альманахе был точь-в-точь как на карточке в детской игре – бурлящая водная подкова срывалась вниз и исчезала в белой дымке, в которой отважно маячил маленький кораблик.

Теплая волна прокатилась по телу. Ностальгия по детству? Вряд ли. Каким бы прекрасным ни было прошлое, Вика предпочитала настоящее. Даже такое, лишенное смысла.

По дороге домой она думала о картинке в журнале. Мозг, лишенный вектора, цепляется за любую деталь, лишь бы заняться видимостью дела.

Весь вечер она рассматривала в Интернете фотографии Ниагарского водопада. Зрелище впечатляло. Однако не грандиозность природного памятника заставляла Волину вновь и вновь разглядывать снимки. Здесь таилась иная причина. Настолько желанная, что было страшно ее спугнуть. Вдруг это всего лишь иллюзия? Мифический спасательный круг, брошенный подсознанием?

До самой ночи Вика испытывала тягучее, будоражащее волнение. Такое бывает перед соревнованиями – когда предвкушаешь тяжелую борьбу, боишься проиграть и рвешься поскорее выйти на старт, чтобы перестать переживать и начать двигаться. Предчувствие то появлялось, обретая отчетливую форму, то рассыпалось в прах. Вика боялась озвучить эту странную, манящую мысль – вдруг, обретя словесную форму, та окажется глупой, нелепой?

Нужно переспать с этой мыслью. Сон – как скоростной инкубатор для идеи. Если она действительно стоящая, то к утру непременно созреет и вылупится.

Долго не получалось заснуть. И даже когда прозвенел будильник, Вике все еще казалось, что она так и не спала. При этом чувствовала себе отдохнувшей и свежей – впервые за долгие месяцы. Она улыбалась, когда намыливалась под душем. Когда наливала клубничный чай. Когда гладила брюки. Депрессия еще не кончилась, но, по крайней мере, впереди замаячил просвет. За ночь предчувствие окрепло. Вика доверяла интуиции – та проявлялась редко, но никогда не подводила. *Нужно съездить на Ниагарский водопад.* Именно там придет вдохновение.

Глава 4

Илья не знал, сколько прошло времени – похитители не позаботились о наличии часов в подвале. Но судя по тому, как желудок сводило от голода, минуло не меньше суток. Воду он пил прямо из-под крана.

Сначала было любопытно, потом скучно. Вскоре пришло беспокойство. Он не испытывал страха и не допускал мысли, что с ним сделают что-то плохое. Но почему его так долго держат в неизвестности? Поинтересовались хотя бы, кому звонить с требованием выкупа. Впрочем, телефон они изъяли, а значит, уже наверняка нашли номер жены. Илья представил лицо Марины, когда ей позвонят неизвестные и сообщат о похищении мужа. Когда они только встретились, она бы стойко приняла известие и сделала бы все возможное, чтобы поскорее выволочь заложника. Но за последние годы Марина сильно изменилась – стала мягкой, покладистой. Одному богу известно, как она поведет себя в стрессовой ситуации. Не стоило бы похитителям звонить ей. Они могли бы решить все вопросы непосредственно с самим Ильей. Он нервно зашагал по комнате.

Время тянулось издевательски медленно. Илья то старался заснуть, то взлетал по лестнице и колотил в дверь. Хуже всего было не отсутствие пищи, информации или возможности изменить ситуацию. Хуже всего была тишина. Илья никогда не расставался с плеером. Постоянно слушал музыку и даже не подозревал, как мучительно остаться без нее. Большую часть памяти его телефона занимала обширнейшая коллекция самых разных групп, композиторов и исполнителей – от Баха и Моцарта до «Guns N» Roses¹ и «Rammstein»... Ни одна мало-мальски интересная композиция не оставалась без его внимания.

С годами он выработал особую технику отбора песен. Прогонка целого альбома отнимала максимум пару минут. Включал первую песню на пять секунд, перещелкивал на следующую. Уже на этом этапе отсеивалась половина – на такой скорости отлично улавливается однообразие. Допустим, на первом треке шло вступление из гитары и ударных, риф на три четверти, гитара с ревером¹. На втором треке – снова риф на три четверти, гитара и ударные, только без ревера, – но рисунок идентичный, только тональность подвинули. Такие повторы Илья нещадно проматывал. Его привлекали уникальные вещи.

Он думал под музыку. Отдыхал под музыку. Не мыслил без музыки своего существования. То, что он испытывал сейчас, здорово походило на ломку.

Он изучил каждый сантиметр помещения, надеясь хоть как-то отвлечься. Но самым веселым во всей обстановке был разве что шампунь с запахом граната.

В какой-то момент терпение кончилось, и Илья принялся выламывать дверь плечом.

– Какого черта! – орал он. – Откройте немедленно!

С таким же успехом он мог долбиться в бетонную стену. Он сполз по стене на пол, запустив в волосы пальцы. Бред какой-то. Что это за похищение такое идиотское? Обычно заложникам озвучивают, чего от них хотят.

Внезапно его слуха коснулся слабый шорох. Илья лег на пол, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в узкой щели между дверью и полом. Но единственное, что он мог точно разобрать – это слабое освещение. Где-то там, в глубине коридора, горела тусклая лампа. Он выждал несколько минут и уже собрался спуститься вниз, когда кто-то просунул под дверь свернутый лист бумаги. Илья торопливо развернул его.

В записке было одно слово: «Наденьте».

Илья не успел удивиться, как в щель под дверью протиснули темный клочок ткани. Это оказалась плотная черная повязка на глаза.

¹ Ревер – приспособление для изменения звучания гитары.

– Это что, шутка? – вспыхнул Илья. – Чего вы от меня хотите? Вы можете нормально сказать?

Никто не отозвался. Илья зло пнул дверь и снова прокричал:

– Объясните, что происходит!

Кого он пытался обмануть, надеясь получить ответ? Похоже, похитителям нравилось испытывать его терпение. Илья ходил из угла в угол, чувствуя, как растет раздражение. Его накрыло ощущение ирреальности происходящего. В жизни случались разные неожиданные ситуации, но обычно ему всегда удавалось брать их под контроль. Пусть не сразу. Но по большому счету он сам и только он управлял собственной судьбой.

Илья сел на кровать, размышляя, как себя вести. Можно сыграть в героя и проигнорировать просьбу надеть повязку. Но что это даст? Очевидно, что похитители никуда не торопятся. Будут держать его взаперти, пока он не соизволит подчиниться. Если есть хоть маленький шанс приблизить разгадку, он должен им воспользоваться.

Илья посмотрел на валявшуюся на ступенях маску.

– Эй, там! Хорошо! Я согласен! – прокричал он.

Никто не ответил. Илья в общем-то и не ждал. Поднял матерчатую маску, покрутил ее в руках и надел.

Несколько минут ничего не происходило, и он уже хотел психануть и прекратить спектакль, как вдруг услышал звук открываемой двери. Железные ступени гулко отозвались под чьими-то ботинками. Недолго думая, Илья сдернул маску.

По лестнице спускались двое мужчин. Он не успел разглядеть их лиц. Острая боль вспыхнула в груди и мгновенно распространилась по всему телу. Он отключился.

Веки дрогнули и открылись, но Илья ничего не увидел – повязка прилегалась плотно. Лишь у носа – там, где ткань немного отходила, – мельтешили два светлых пятна. Первое, что Илья почувствовал – это пульсирующую в запястьях кровь. Пошевелил пальцами и вздрогнул от саднящей боли в кистях. Он был дезориентирован, но все-таки понял, что подвешен за скованные над головой руки. Ноги едва касались пола. Он стоял на мысках, с трудом удерживая равновесие.

Под ложечкой засосало, и какое-то чувство, отдаленно похожее на страх, настойчиво зашевелилось внутри.

Никто не заговаривал с ним, но чье-то присутствие отчетливо ощущалось. Илья почти физически почувствовал на себе чужой взгляд. Как тогда, в номере гостиницы.

– Послушайте, – стараясь не выдать своего волнения, произнес он. – Я не знаю, что вам нужно, но уверен, что мы можем договориться.

Ответа не последовало, и он продолжил:

– Просто скажите, что вам нужно...

Удар в живот отбросил его назад; он больно ударился затылком о что-то твердое и холодное. В ту же секунду новый удар в лицо заставил Илью потерять равновесие и повиснуть на руках. Его били размеренно и методично, со знанием дела. Боли причиняли много, но не калечили.

Во рту появился привкус крови. Илья стиснул зубы. Раз эти уроды не хотят идти на диалог, то и от него они тоже ничего не услышат. От особо мощного удара по печени он задохнулся, едва не сорвавшись на стон. Края наручников впились в запястья. Илья уперся носками в пол, чтобы уменьшить давление в руках.

Тяжелый кулак врезался в челюсть. На долю секунды Илья потерял сознание, а очнулся уже на полу, под лестницей. В комнате никого не было.

Поднялся, на негнущихся ногах поплелся в ванную. Вода неприятно щипала раненую кожу. Кое-как умылся и осторожно вытерся полотенцем, оставив на белой ткани красные раз-

воды. Зеркало в ванной отсутствовало, но насколько он мог судить, видок у него был паршивый, – как и самочувствие. Кровь из разбитой губы никак не удавалось остановить. На груди, чуть правее солнечного сплетения, красовалось небольшое розовое пятно, похожее на след от ожога. Один из тех, кто спускался по ступеням, выстрелил из электрошокового пистолета.

Илья был довольно крепким парнем. В юности занимался борьбой и боксом, а теперь просто поддерживал форму, три-четыре раза в неделю появляясь в спортзале. К поединкам на ринге или татами он давно привык, а в обычной жизни дрался нечасто – не возникало необходимости. Тем не менее постоять за себя и за свою девушку для Ильи проблемой не являлось. Впервые в жизни у него не было возможности дать сдачи, ответить ударом на удар. Верх циничности – избивать связанного. Боль – это чепуха. Унижение и чувство беспомощности – вот что неприятно.

– Долбаные уроды, – выругался Илья, прижимая край полотенца к ранке на губе.

Внутри клокотала плохо подавляемая ярость. Он снова открыл кран и сунул голову под холодную струю.

В комнате его ждал сюрприз. На полу у кровати стоял поднос с едой. Рядом валялась пара лейкопластырей.

– Охренеть, какая забота! – Он еле сдержался, чтобы не пнуть поднос ногой. В конце концов, если он останется без жратвы, хуже будет только ему.

Крестовский наматывал круги по комнате, пытаясь унять раздражение. Еще недавно он воспринимал похищение спокойно, если не сказать легкомысленно. Да, его заперли в пустом подвале, но ведь ничего плохого не делали. В глубине души он даже аплодировал похитителям за смелость. Что бы ими ни двигало – они ребята отчаянные. Илья уважал это качество. Он полагал, что сможет найти с ними общий язык и договориться. Теперь он уже не был так сильно в этом уверен.

Он снова разозлился из-за отсутствия плеера. С музыкой легче успокоиться. Ну вытащили бы из телефона сим-карту и отдали бы обратно! Почему нужно лишать заложника даже элементарных развлечений? Желудок скрутило – то ли от возмущения, то ли от голода. Илья посмотрел на поднос с едой. В одноразовом контейнере остывала картошка с мясом и овощами, в бумажном стаканчике – суп. Он сел на пол и подвинул поднос к себе.

Пища благотворно отразилась на настроении. После сытного обеда проблема показалась не столь драматичной. Негодование и обида притупились, на смену напряжению пришла усталость. Илья заклеил лейкопластырем ссадины на запястьях и перебрался на кровать.

Наверное, стоило бы прикинуть новые версии произошедшего, но сил на это не осталось. Обстановка угнетала и высасывала энергию. Да и до чего он мог додуматься, не имея минимальной информации? Нужно ждать и надеяться, что со временем ситуация прояснится.

Попробовал задремать, но сон не шел. Мысли вертелись вокруг Марины. Как она отреагирует на звонок похитителей? Как поведет себя? Не надумает ли сообщить в прессу? Шумиха Илье Крестовскому сейчас совсем не нужна. Раньше ему нравилось внимание журналистов. Раньше ему было что сказать. А сейчас нет.

Черт побери, как это произошло? Как он утратил способность облекать эмоции в музыку и слова? Ему всегда давалось это легко, играючи. Он просто садился за фортепиано или брал в руки гитару – и мелодия рождалась сама, он лишь воспроизводил ее.

Они встречались с Мариной две недели. Она осталась у него с ночевкой, – он тогда снимал убогую крохотную квартирку – и они весь вечер валяли дурака. Илье ужасно хотелось растормошить эту серьезную девушку. Они успели приготовить ужин и загадить всю кухню, позаниматься сексом, шуточно подраться подушками, и теперь валялись на диване, переговариваясь и хихикая.

Илья перевернулся и, зачарованный, навис над Мариной. Она была миниатюрная, воздушная. Волнистые рыжие волосы в беспорядке разметались по ее плечам; свет настенной

лампы отражался в ее больших, зеленых глазах, превращая их в два мерцающих моря. На ней были белая майка и белые трусики. Она выглядела лет на семнадцать. Он взял ее детское запястье и поцеловал с тыльной стороны – там, где под бледной кожей светились тонкие голубые венки.

– Сыграй мне что-нибудь, – попросила она. – Если ты, конечно, не наврал, что умеешь.

Илья спрыгнул с дивана, снял со стены гитару и вернулся обратно:

– Что тебе спеть?

– На твое усмотрение, – Марина уселась повыше, подтянула к себе подушку и обняла ее, приготовившись слушать.

Илья на мгновение задумался, а затем взял первый аккорд и тихо провел по струнам. На протяжении нескольких минут Марина не отводила от него внимательных глаз. Ее взгляд был таким острым, что мог поранить. Илья почувствовал себя пациентом под скальпелем хирурга.

– Потрясающе, – выдохнула она, когда он закончил. – Чья это песня? Что за группа? Странно, что я не слышала. Это какой-то хит, да? Как ты красиво его исполнил!

Илья мгновенно расслабился и улыбнулся. Такой реакции он не ожидал.

– Это я сам сочинил.

– Сам?

– Ну да. Я иногда пишу. Когда накатывает.

Марина помолчала. На ее лице читалось сомнение. Она медленно отложила подушку в сторону, придвинулась к парню и повторила:

– Ты это сам сочинил?

– Ну что мне, на крови поклясться, чтобы ты поверила? – усмехнулся Илья. Марина явно преувеличивала достоинства песни. То есть песня была не плохая, но далеко не шедевр.

– Есть и другие? – продолжала допрашивать она. – Много? Можно услышать?

Обычно сдержанная Марина в тот вечер проявляла несвойственное ей возбуждение. Она не отстала, пока Илья не сыграл ей несколько своих произведений. Ему льстило такое внимание, но незапланированному концерту он бы предпочел секс.

– Все, хватит! – категорично заявил Илья, отставив гитару к стенке. – Теперь займемся чем-нибудь менее возвышенным и более физическим.

Он потянулся к девушке, но та остановила его.

– погоди, Илюша, погоди, – она взяла его за руки и посмотрела со всей серьезностью. – Ты осознаешь, что талантлив? Ты понимаешь, что это, – она кивнула на гитару, – это реально хорошо? У тебя здорово получается! Почему бы тебе не заняться музыкой серьезно?

В тот вечер Илье удалось кое-как замять разговор. Но в последующие дни Марина то и дело возвращалась к этой теме. И чем воодушевленной она говорила, тем больше поддавался Илья. Он все чаще размышлял о том, что идея о музыкальной карьере не так уж плоха. В конце концов, музыка являлась единственным занятием, которое ему не надоедало. Если сделать на нее упор...

Прошло несколько месяцев, прежде чем Илья озвучил Мэту и Крепостному свою идею. Парни не ломались, согласились моментально. Довольно быстро они записали первый сингл и отправили его на радио. Через две недели с ними связался представитель крупной звукозаписывающей компании и пригласил на встречу. Еще через полгода они выпустили первый студийный альбом.

Как-то гладко у них все складывалось, без сучка без задоринки. Словно кто-то там, наверху, давно ждал, когда они возьмутся за инструменты, и заранее расчистил дорогу – только идите. Они не прозябали в нищете, не играли в дрянных клубах в надежде, что кто-нибудь их заметит. Они мгновенно нашли свое место. Ни Илья, ни Мэт, ни Крепостной не верили, что с ними могло случиться нечто настолько удивительное. Верила только Марина.

Ноющая боль в затылке оторвала Илью от воспоминаний. Голова гудела, все тело ломило – неслабо его отделали. Он бросил взгляд на винтовую лестницу. Его приковали за руки к перилам, и он приложился затылком о край железной ступеньки.

Неприятно засосало под ложечкой. На короткое мгновение Илья допустил страшную мысль, что не выберется отсюда живым, – но сразу же отмел ее. Если бы его хотели убить, то убили бы сразу. Нет. От него однозначно чего-то хотели. Вот только чего?

Он сомкнул веки, надеясь немного поспать. Лежал без движения, стараясь игнорировать копошащееся внутри беспокойство. Постепенно сознание затуманилось, мелькавшие перед глазами образы утратили яркость и растеклись в бесформенное, серое пятно. Он забылся чутким, тревожным сном.

Среди ночи его разбудил шорох под дверью. Он вскочил, моментально проснувшись, и взбежал по лестнице. На полу валялся сложенный вдвое листок. Илья развернул его и прочитал:

«Вы должны сочинить песню».

Глава 5

Какую визу получать – канадскую или американскую, Вика решила быстро. С канадской стороны вид на Ниагарский водопад гораздо эффектнее. Необходимые для посольства документы собрала за несколько дней. Следующие три недели тянулись бесконечно долго. Ожидание раздражало, но Вика не сомневалась, что получит разрешение на въезд. Краем уха она слышала, что незамужней молодой россиянке въехать в страну кленового листа довольно сложно – визовые офицеры опасаются нелегальной иммиграции и отказывают любому, кто, на их взгляд, входит в группу риска. Волина не сильно вникала в подобные нюансы: в ее случае все будет хорошо.

Она долго искала выход из тупика, но не видела ничего, кроме жутких безликих стен. И когда появились очертания двери, Вика с радостью устремилась вперед. Не осталось ни волнений, ни сомнений – она точно знала, что идет в правильном направлении.

Получив извещение из курьерской службы, Вика поспешно оделась, схватила сумку и выбежала из дома.

К окошку выдачи паспортов тянулась длинная очередь. Чтобы скоротать время, Волина представляла, какие испытает эмоции, когда увидит Ниагару. Наконец на табло высветился ее номер. Она получила конверт с документами и тут же вскрыла его.

Солнце светило нещадно. На город опустилось душное, знойное лето. Давно не видевшая дождя трава еще не выгорела, но уже утратила жизнерадостную зелень. В воздухе висел запах бензина и раскаленного асфальта.

Вика надела темные очки и медленно побрела домой. Время от времени останавливалась, доставала из сумочки стандартный бланк отказа и перечитывала снова и снова: «...не уверены, что по истечении срока пребывания в Канаде вы покинете территорию страны».

Интуиция ее обманула. Все планы рухнули. Так бывает, когда слишком на что-то рассчитываешь.

Вика достала мобильный и набрала номер Семена. Они знали друг друга целую вечность, приятель всегда проявлял интерес к ее делам и никогда не отказывал в моральной поддержке.

– Мне очень, очень плохо, – простонала она в трубку.

– Водки? – без колебаний предложил Семен.

– Водки, – подтвердила Вика.

– В каких декорациях? Будничных или творческих?

– Поясни.

Семен деловито кашлянул:

– Будничное распитие водки – это дома на кухне. Творческое – с шашлыком в хорошей компании. У тебя на вечер планов нет? Мы с друзьями собираемся на дачу к Рыжему на все выходные. С нами хочешь?

Волина кивнула в трубку.

– Ты с нами, говорю? – переспросил Семен.

– Да.

– Тогда через пару часов заеду. Оденься по-спортивному, буду тебя по лесу водить.

Семен появился как обычно, секунда в секунду, веселый и румяный. Ему цветок в петлицу и шапку набекрень – был бы вылитый Иван Бровкин.

Всю дорогу до дачи – а это без малого три часа – Вика ныла о своей неудаче с визой. Семен стойко выслушивал ее стоны, кивал сочувственно и не пытался приободрить – он знал, что в таком состоянии жалость и утешения только взбесят подругу. К концу пути Вика утонула от собственных причитаний и стала с интересом поглядывать по сторонам. На место прибыли, когда уже стемнело.

Дача представляла собой старый обшарпанный дом с убого обставленными комнатами и стоявшим внутри затхлым запахом.

– Ха-ха, – Вика поднялась по ступенькам на крытую террасу и зашептала Семену на ухо: – У меня такое ощущение, что я оказалась в дешевом фильме ужасов. Компания молодых придуриков приезжает в заброшенный уединенный домик, камера делает наезд на покосившиеся ворота, затем берет общий план. Сарай, деревья, огород, чучело. Местечко неприятное, и все же сильных негативных эмоций не вызывает. Но с наступлением темноты окружающие предметы меняют свои очертания. Воздух дрожит зловещим маревом грядущей опасности. А дом будто бы оживает, превращаясь в мыслящее существо, единственная цель которого – поглотить неразумных путников.

– Тебе бы триллеры писать, – Семен приобнял подругу за талию и подтолкнул к входной двери. – Пошли, выберем тебе самую уютную комнату. Когда ты выпьешь, окружающая обстановка заиграет более радужными красками.

– Я и так триллеры пишу, козел, – пробормотала Вика и шагнула внутрь. – Это ничего, что в доме воняет. Лишь бы трупов не было. Хотя...

Пока разожгли костер, подготовили угли, накрыли на стол – было уже совсем поздно. Кто-то следил за шашлыком, кто-то беседовал, устроившись в пластиковых креслах.

После трех стопок Семен включил русские народные песни.

– Опять ты свою шарманку завел, – беззлобно шикнула Вика. – Всем ты прекрасен, только не любовью к фольклору.

– Ты не понимаешь, Викуль. Все очень продумано, – глаза Семена блестели. – Мелодика и ритмика русских народных песен идеально вписываются в опьянение водкой. Именно водкой, никаким другим алкоголем. Это ж все не просто так. В культурных традициях любого народа доминирует гармония, веками выработанная. Понимаешь? Водка, она бодрит по-особенному, удаль придает, силу. Улавливаешь? Никакая другая мелодия на этот эффект не ложится, – ни испанская, ни японская, никакая, – парень подхватил девушку и закружил по деревянному настилу.

Вика неохотно поддавалась, – лишь бы не думать о проклятой визе и Ниагарском водопаде. А вскоре уже сама с удовольствием отплясывала под «Маруся раз-два-три». Водка и бесшабашная обстановка сделали свое дело. Прав был Семка, чертовски прав! Любой национальный напиток отражает культуру, историю и душу нации. Вика поняла, что здорово опьянела.

В двухстах метрах от дачи имелось маленькое озерцо. Вике захотелось немедленно посмотреть на воду, Семен увязался следом. На берегу она остановилась и несколько минут молча глядела на сумрачную поверхность озера.

– Я ведь совершенно не знаю, что делать, Сема, – заплетающимся языком проговорила она. – Я думала, что нашла решение, а оказалось пшик. И я из-за этого всех вокруг ненавижу. Поскорее бы мне восемьдесят стукнуло, чтобы я могла бить всех тростью и прикрываться старческим маразмом.

Семен с трудом подавил улыбку.

– Не отчаивайся. – Он бережно обнял ее за плечи и привалил к себе. – Все обязательно наладится.

– Ничего не наладится! – вспыхнула она и тут же обмякла, по-пьяному захныкав. – Я так надеялась, что этот чертов водопад каким-то мистическим образом мне поможет. Но мирозданье... щелкнуло меня по носу.

– Мирозданье здесь ни при чем. Просто у визового офицера было плохое настроение, и он тебе отказал. А возможно, ты просто собрала не все документы и была недостаточно убедительна.

Вика вскинула голову:

– Говорить подвыпившей девушке, что она сама виновата – не самое умное решение.

Семен не успел ответить: со стороны дачи раздались громкие крики. Вика и Семен переглянулись и припустили к дому.

Похоже, что-то стряслось. Четверо парней столпились у края огорода – там, где росли кусты малины, – и сосредоточенно глядели вниз.

– В чем дело? – окликнул друзей Семен.

Один из парней оглянулся и поманил их рукой. Глаза у него были как два блюдца.

– Да что там такое? – раздраженно бросила Вика и нетерпеливо шагнула вперед. Парни расступились, уступая ей место. На грядке, наполовину засыпанный землей, лежал человеческий скелет.

– Я поспать отошел, – негромко объяснил Рыжий. – Гляжу – что-то белое блестит. Ногой разгреб – а тут такое.

– Охренеть можно, – выдохнул кто-то из парней.

– И что нам с этим делать? – поинтересовался другой.

Смех Семена заставил всех повернуться в его сторону.

– Ты чего ржешь? – зло сощурился Рыжий. – Нервное, что ли?

– Да видел я у тебя этот пластиковый скелет в сарае, когда за дровами ходил, – весело проговорил Семен. – Если ты хотел розыгрыш устроить, так спрятал бы его получше для начала.

– Так это че, фуфло, что ли? – слышались голоса. – Ну ты, Рыжий даешь! А я ведь реально поверил!

Пока друзья обсуждали неудавшуюся шутку, Вика незаметно отделилась и исчезла в доме. Десять минут спустя Семен нашел ее в комнате. Она сидела на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону, и плакала. Не говоря ни слова, парень устроился рядом и принялся гладить ее по голове.

– Не убивайся ты так из-за этой проклятой визы, – в голосе Семена звучала искренняя озабоченность. Вика отняла ладони от лица и посмотрела на него покрасневшими, рассредоточенными глазами:

– И скелет тоже!

– Что «скелет тоже»? – не понял он.

– Я-то уже понадеялась, что мне повезло, и мы действительно нашли останки человека. Кто-то давным-давно убил его и закопал труп в огороде... Какая бы могла получиться увлекательная завязка для книги...

– Погоди... Ты огорчилась, что скелет ненастоящий? – Семен с трудом подавил улыбку.

Несколько секунд Вика с тоской смотрела на собеседника, а затем снова заплакала.

– Слушай, подруга, – ласково проговорил он. – А почему бы тебе не попробовать записывать свои грустные эмоции, пока ты вынуждена сидеть без дела? Вдруг потом эти записи пригодятся для новой книги?

– Никому не интересны чужие сопли, – Вика шмыгнула носом и вдруг задумалась. – Семен!

– Да?

– А чего ты такой хороший? Чего ты со мной возишься?

– Силу воли развиваю.

– Мою?

– Понятное дело, чью же еще? – Его губы дрогнули в полуулыбке. – Своей у меня нет.

Вика хихикнула. Другу по-прежнему удавалось развеселить ее даже в самой безрадостной ситуации.

– Ты же не питаешь надежд на совместное будущее, да? Не хочу, чтобы ты страдал.

Парень лукаво ухмыльнулся:

– Кто знает, как судьба повернется? Авось я тебя все-таки покорю?

– Да-да, – Вика кивнула. – Мужчины сначала покоряют женщин, а потом не могут отпроситься на пиво с друзьями. Оно тебе надо?

Семен рассмеялся:

– Сплю и грежу попасть к тебе в рабство.

– Шарик, ты балбес. – Она взъерошила его короткие непослушные волосы. – Давай спать! Жизнь прекрасна. Не моя, конечно, но всё же...

Полночи крутилась в кровати, подыскивая удобную позу, и задремала лишь под утро. Ей приснились чугунные перила на краю обрыва, зеленая бурлящая река, белая искристая стена водопада и застывшее в воздухе коромысло радуги.

Вернувшись в Москву, Вика решила, что попробует подать документы второй раз. Только теперь подойдет к делу более обстоятельно.

Она открыла ноутбук и торопливо застучала по клавиатуре:

«Дорогой офицер!

Прошу рассмотреть мою заявку на получение канадской визы. В моей предыдущей заявке № 085570В мне отказали. Я решила подать новый запрос, потому что теперь имею принципиально новую информацию и дополнительные документы. Приношу извинения за то, что подошла к делу с недостаточным усердием: предоставила не полный пакет документов и не подробно рассказала о целях моего визита в Канаду. Сейчас я исправлю эту ошибку.

Единственная цель моей поездки в Канаду – желание поближе узнать культуру и обычаи страны, чтобы использовать собранную информацию для написания моей новой художественной книги, которую я готовлю к изданию в России. Помимо основной работы в компании «М-Групп» в должности офис-менеджера, я занимаюсь писательской деятельностью. К настоящему моменту в России вышло девять моих книг. Вы можете ознакомиться с копиями договоров с издательством, подтверждающих мое авторство.

Я планирую книгу, в которой часть сюжетной линии будет развиваться в Торонто и Ниагара-Фолс. Чтобы быть достоверной в деталях, мне необходимо посетить эти места и проникнуться их духом. В сентябре на основной работе в компании «М-Групп» мне дают оплачиваемый отпуск. Я хочу использовать эту возможность, чтобы посетить Канаду, собрать необходимую информацию и сделать наброски книги.

Убедить вас в том, что по истечении срока пребывания в Канаде я вернусь в Россию, помогут мои сильные социальные связи с Россией, такие как...»

Вика остановилась, чтобы перечитать текст. Послание получалось необычным, но вдруг именно это и сработает? Главное – предоставить побольше сопроводительных документов: договоры с издательством, синопсисы произведений, фотографии с презентаций...

Вика вспомнила, как послала в издательство свою первую рукопись. Нервничала страшно. Начиталась форумов, где авторы плакали о том, как сложно пробиться и опубликовать книгу. Волина морально готовилась к отказу, хотя и понимала, что все равно не опустит руки. Будет пытаться снова и снова, пока ее рукопись не увидит свет. Тревоги не оправдались. Уже через месяц с ней связался редактор крупнейшего российского издательства и предложил подписать договор.

Никто не верил, что начинающему автору без связей и опыта может так повезти. Но Вика понимала, что везение – следствие упорного труда. Когда ставишь перед собой цель и работаешь над ее осуществлением, то постепенно сам формируешь нужные обстоятельства. Вот и весь секрет великих удач.

Первая книга распродалась в рекордные сроки, издательство требовало новый роман. Вика не собиралась упускать такой шанс.

Для многих авторов один из самых счастливых моментов – поставить точку в последнем предложении. Вике же больше нравился сам процесс творчества. То пьянящее чувство, когда

герои обретают форму, а неясные линии соединяются в стройный сюжет. Это была отдельная, параллельная жизнь; уникальный мир, где Вика являлась богом. Как же отчаянно не хватало ей этих упоительных, волшебных эмоций...

Волина вернулась к открытому на ноутбуке документу и продолжила печатать. Она при-
выкла, что многие вещи удавались ей с первого раза, и слегка расслабилась. Что ж, при-
дется доказать самой себе готовность совершать вторую, третью, тридцатую попытку, чтобы
добиться желаемого.

Возможно, вся затея с поездкой на Ниагару – ошибка и самообман. Возможно, она достигла своего писательского предела и больше не напишет ни одной строчки. Мысль настолько же чудовищная, насколько разумная. Но у Вики еще будет время впасть в отчаяние – если идея с водопадом не принесет желаемого результата. А сейчас следует поменьше думать и побольше делать.

Глава 6

Сочинить песню?

Это невозможно. Абсолютно невозможно. Если бы Илья мог – он уже давно написал бы десяток новых композиций и выпустил третий альбом, которого так ждали фанаты. Но вдохновение покинуло его. Чертова Муза помахала ручкой и свалила в неизвестном направлении. Это во-первых. А во-вторых – какой похититель будет требовать у заложника написать песню?! Это же бред какой-то, бессмыслица! Если только...

Илья покрутил кожаный браслет, пытаясь ухватить мелькнувшую в голове мысль. А что, если он ошибался насчет намерений похитителей? Что, если они держали его отнюдь не ради денежного выкупа?

Он уперся рукой в стену, наклонил голову и замер, сосредоточенно изучая пол. Версия казалась невероятной, но многое объясняла. И все же для конкретных выводов не хватало информации.

– Эй! – он поднялся по ступеням. – Вы можете внятно объяснить, какую песню и зачем?

Илья замолчал, прислушиваясь к звукам за дверью. Он постарался придать своему голосу убедительности:

– Я не отказываюсь. Но мне нужно знать, чего именно вы ждете.

Никто не ответил. Илья с досадой пнул дверь. Он-то надеялся получить хоть какие-то объяснения, способные прояснить ситуацию. Хотелось верить, что его тюремщики не лишены здравого смысла и удерживают его по логичной причине. С адекватным преступником можно договориться. А вот с психом... Илья сильно рассчитывал на первый вариант.

Он спустился по лестнице, каждый шаг звучал неправдоподобно громко в плотной тишине подвала. Эта тихая, лишенная событий реальность начинала всерьез действовать на нервы.

Илья всегда находился в эпицентре. Его жизнь была стремительной чередой встреч и авантур. Такой ритм утомил бы кого угодно, но только не Илью. Новые люди, новые впечатления, новый опыт развлекали его. Только так он ощущал, что дышит полной грудью, живет настоящей жизнью.

Илья вспомнил первый концерт. К тому моменту их дебютный альбом продавался рекордными тиражами, и на группу обрушилась стремительная известность. За считанные месяцы Илью, Мэта и Крепостного стали узнавать на улицах и просить автографы, а электронные ящики наводнили письма поклонников. Это было неожиданно и вместе с тем естественно, комфортно. Как будто Илья давно готовился к этой роли, учил слова, репетировал жесты и, выйдя на публику, без волнения исполнял свою партию.

Но концерт в огромном зале на несколько тысяч зрительских мест... Это было за гранью. К такому подготовиться невозможно.

Он стоял за кулисами и смотрел, как зал постепенно наполнялся людьми, каждый из которых пришел послушать его, Ильи Крестовского, песни. Группе «Waterfall» было без году неделя, а кто-то уже добровольно расставался с деньгами ради возможности воочию увидеть трех музыкантов. Невероятно!

Илья не мнил себя гением. У него получалось писать хорошие песни; некоторые из них могли считаться талантливыми. Но ведь сколько талантливых людей на планете? Совершенно непостижимо, что кто-то отдавал предпочтение творчеству группы «Waterfall».

Мэт тоже нервничал. Он всегда отличался эмоциональностью, но, когда нужно, умел собраться, засунуть подальше эмоции и выполнять то, что требуется. Сейчас он призывал все свое самообладание, чтобы не бросить палочки на пол и не сбежать к чертям собачьим.

– Круто, мужики, а? Никогда такой толпы не видел. – Крепостной выглянул в зал и довольно хрустнул пальцами. – Ух, мы оторвемся сегодня!

Илья так до конца и не понимал феномен спокойствия Крепостного: то ли железные нервы, то ли недостаток воображения. На самом деле звали его Андрей, и долгое время его величали не иначе как Рок-н-ролла. В клубах, куда друзья приходили побуянить и оторваться, Андрей отжигал по полной программе. Чтобы не разыскивать его по всему клубу, Илья и Мэт ставили Андрея на колонку, – там он и выплясывал под всеобщее улюлюканье. В такие моменты он был вылитый Рок-н-ролла из фильма Гая Ричи – буйный и отвязный. А потом он встретил свою нынешнюю пассию, Кристину. Красивая и стервозная девушка живо прибрала его к рукам. Андрей и не заметил, как намертво угодил под каблук. Сам он искренне считал, что нисколько не изменился, а друзья усмехались, когда на предложение попойнствовать Рок-н-ролла звонил девушке и спрашивал разрешения.

Как-то, подначивая товарища, Илья обронил, что у подруги Андрея самое подходящее имя.

– Да? – удивился Андрей. – Это почему же?

– Имя Кристина созвучно слову «крестьянин». А ты как раз и ведешь себя как крепостной.

Присутствовавший при разговоре Мэт развеселился и сказал, что отныне будет звать Андрея только так – Крепостной. С тех пор прозвище прилипло.

До начала выступления оставались считанные минуты, и волнение Ильи усиливалось с каждой секундой. Он сам не понимал, что именно его беспокоило. Аппаратура в полном порядке, программа подготовлена отлично – они миллион раз отрепетировали, отшлифовали каждую песню и движение. Голос в норме, самочувствие тоже. Все должно пройти гладко. Но пальцы почему-то одеревенели, а в районе солнечного сплетения вибрировал вязкий, скользкий комок.

Мягкая ладонь легла на его предплечье и ободряюще пожала. В неровном свете мерцающих ламп рыжие волосы Марины струились медными змеями. На ней было короткое летнее платье, больше подходящее для школьницы, чем для взрослой женщины. Илья порывисто обнял ее, оторвав от земли, и аккуратно поставил обратно.

– Не переживай, – одними губами сказала она.

– Я не переживаю, – соврал Илья. Товарищи видели в нем лидера, и нужно соответствовать этой роли. – Ну что, пошли? – Он беспечно кивнул и пружинящей походкой двинулся к сцене. Если бы в тот момент он посмотрел в зеркало, то увидел бы лицо висельника, идущего на эшафот. Принятые перед выступлением пятьдесят грамм боевых не возымели никакого действия.

Живая, трепещущая темнота на мгновение лишила его возможности дышать. Он втягивал носом воздух, но тот словно бы сгустился, превратился в плотную, осязаемую субстанцию. Илья почувствовал себя беспомощным и одиноким, – но в этот миг десятки прожекторов пробежали по зрительному залу, выхватывая сотни человеческих лиц. Илья не увидел их выражений, не уловил их черт. Но этого и не требовалось. Он осознал главное: не было никакого враждебного, мрачного моря. Были нормальные, живые люди, пришедшие на концерт. И они хотели услышать «Waterfall».

Илья сделал жест рукой, Мэт остервенело рубанул по тарелкам.

Они играли на репетициях. Записывались в студии. Работали на маленьких площадках. Все это не шло ни в какое сравнение с выступлением перед многотысячной толпой. Адреналин зашкаливал, разрывал тело на части. Горячая кровь пульсировала, прожигала вены. Илья набрал в легкие побольше воздуха, поднес микрофон ко рту и запел. Толпа вздрогнула, завоновалась, запела вместе с ним.

Сумасшествие. Экстремальный драйв.

Исчезли волнение и неуверенность. Внутри что-то шелкнуло, и стремительная, неумолимая трещина прошла неуязвимую прежде конструкцию. Стены пошатнулись и рухнули с оглушающим шумом. В эту самую секунду Крестовский понял, что такое настоящая свобода. Границ и сомнений больше не существовало. Он стал чистой энергией, извергающей в пространство мощные электрические импульсы. Он уже не воспринимал себя отдельно от зрителей. Они слились в единый организм. Ради одного этого момента стоило родиться, страдать и умереть в муках, будь это обязательным условием. Проекторы ослепляли, горячие волны обжигали кожу, сцена раскалилась, превратившись в огромную, жаркую сауну...

Илья обвел комнату взглядом. Все те же серые стены и скользкий пол. Кровать и стул. В ванной – шампунь, зубная щетка, паста, полотенце и рулон туалетной бумаги. А в довершение к этому роскошному убранству – убийственная тишина. Будь у него плеер, заключение не казалось бы столь невыносимым. Но его лишили даже этой маленькой привилегии...

Сейчас он бы послушал старое доброе. Скажем, «Is this love» группы «Whitesnake». Эта песня его бы наверняка успокоила. Гитарные дорожки хорошо обыгрывают аккорд E 7; три ноты в припеве дублируют клавиши; квадрат четырех аккордов того же припева сопровождается перебором из одного аккорда – избитый прием, который редко не смотрится пошло, а тут просто прекрасен. И конечно же, любимая фишка в металле 80-х – соло с использованием педали эффекта типа «Boss Harmonist»: к звуку струны добавляется еще по одной ноте вверх и вниз с разными интервалами, в зависимости от настроенной тональности.

Крестовский давно привык раскладывать любой трек на слои, как файл PSD в фотошопе. Песня начинается со слоя background, затем добавляются новые дорожки, громкость которых корректируется так же, как степень прозрачности слоя.

Илья поставил стул напротив кровати, уселся, вытянул руки вперед, как если бы собирался играть на фортепиано, и опустил их на жесткий матрас. Провел пальцами по воображаемым клавишам, прислушался к звучанию. А потом стал наигрывать случайные мелодии.

Марине больше нравилась гитара. У нее было несколько любимых песен, и она часто просила Илью исполнить их. Первое время он с радостью соглашался, но однотипный репертуар очень скоро начал выводить его из себя. Бесконечный повтор убивает красоту самой гениальной мелодии. А вкусы Марины оставались неизменны.

Воображаемая музыка не спасала от скуки. Илья раздраженно встал. Стул с грохотом упал. Интересно, как долго человеческая психика способна выдерживать полную изоляцию? А от клаустрофобии кто-нибудь умирал? Физическая смерть от подобной напасти, скорее всего, явление редкое, куда реальнее повредиться рассудком. Крестовский не испытывал страха перед замкнутыми пространствами, но вакуум, в который его поместили, все больше походил на пытку.

– Послушайте! – выкрикнул он сердито. – Если вы объясните, для чего все это, я пойду вам навстречу. Как я могу сочинить песню, если думаю только о том, почему я здесь и кто вы такие?

Вместо ответа погас свет. Подвал погрузился в непроницаемую тьму. Илья на ощупь добрался до того места, где находился выключатель. Пощелкал кнопкой – тщетно. Кто-то целенаправленно обесточил щиток.

Но это было не самое страшное.

В комнате совершенно явственно ощущалось чье-то присутствие. Цепкий чужой взгляд, неоднократно появлявшийся за последние сутки, снова держал на прицеле. По спине пробежал холодок. Илья невольно поежился.

Им там мало того, что он сдыхает от скуки и неизвестности? Так они еще и свет вырубили. Что будет дальше? Отключат воду? Снова избыток? Долбанные извращенцы!

– Знаете что? Идите вы на... – громко выругался он. – Вы достали уже! Слышите? Достали!

Он шагнул к кровати, но споткнулся об упавший стул и чуть не растянулся на полу. Матерясь и проклиная своих тюремщиков, Илья рухнул на постель. Спать не хотелось – да и не смог бы он заснуть в таком состоянии. Обычно он не испытывал проблем со сном. Даже в стрессовые периоды с легкостью отключался, едва голова касалась подушки. Марина подшучивала над ним, – мол, вот что значит молодой незамутненный разум. То-то бы она удивилась, увидев, как он мучается от бессонницы, пялясь в черноту потолка.

Сочинить песню! Придумали же такое!

Даже имейся у Ильи вдохновение и ресурсы, он вряд ли бы стал творить в подобных условиях. Он не негр на галерах, чтобы беспрекословно выполнять приказы. Кем тюремщики себя возомнили? Хрен им, а не песня.

Он порывисто поднялся, принял упор лежа на полу и начал отжиматься. Тело отчаянно просило движений. Выполнив несколько подходов, переключился на упражнения на пресс. Он надеялся, что физическая усталость притупит душевное смятение. Но чтобы по-настоящему устать, ему требовалось нечто потяжелее, чем физкультура. Несколько раз в неделю Илья регулярно выделял полтора часа на пробежку или занятия в зале. Друзья шутили, мол, Крестовский надрывается, чтобы радовать фанаток спортивной фигурой, но они ошибались. Илье нравилось чувствовать себя сильным и выносливым, к тому же тренировка на пределе возможностей вычищала из головы ненужный хлам. А отличное тело шло бонусом.

Ощувив долгожданное жжение в мышцах пресса, Илья сел, обхватив колени руками, и выдохнул. Бездействие становилось невыносимым. Похитители выбрали самый эффективный метод давления. Сколько там прошло минут после гордого решения игнорировать приказ? Двадцать? Тридцать? А он уже всерьез колебался. Легко же его, оказывается, сломать.

– Хорошо! – проорал он в пустоту. – Хорошо, я попробую! Но мне нужен синтезатор или гитара! Хоть какой-нибудь инструмент!

Вспыхнувший свет больно резанул по глазам. Илья зажмурился.

В дверь коротко стукнули. Он осторожно поморгал, давая глазам привыкнуть, и повернул голову. На верхней ступеньке лежала очередная записка. «Наденьте», – прочитал он.

Илья огляделся, разыскивая повязку. Она валялась под лестницей. На этот раз сомнений не было. Он пробовал не подчиняться, и его сперва избили, а затем заставили вариться в собственном соку. Надо признать, первая часть наказания пугала куда слабее второй. Еще одни сутки наедине со своими мыслями – и он завоет от скуки. Что, если сменить тактику? Вдруг готовность к сотрудничеству обернется для него большей выгодой? Илья поднял маску и натянул ее на глаза.

Глава 7

Утро выдалось прохладным и дождливым. Ранее отчетливо различимый, агрессивно возвышающийся на горизонте даунтаун теперь растворился в пелене тумана. Асимметрично расположенные прямоугольники небоскребов едва угадывались на фоне серого неба. Хайвей 401 двигался в безостановочном режиме, улица Янг, уходившая в туманную морось центра Торонто и умиравшая у самой кромки Озера, почти стояла.

Вика любила дороги. Поэтому заранее забронировала себе квартиру с видом на городские магистрали. Ничто так не умиротворяет, как созерцание широких полос уложенного асфальта и непрерывного движения автомобилей.

Увидев в паспорте визу, Вика ожидала, что безудержное счастье и дикий восторг захлестнут ее. Но эйфории не было. Просто внезапно стало легко. Невыносимо, безупречно легко. И настолько комфортно и гармонично дышалось в этой тихой, спокойной радости, как будто так было всегда. Как будто не было отвратительного, тягостного лета и мучительного ожидания. Как будто кто-то другой страдал, не она.

Первые несколько дней Волина не могла насмотреться на визу. Не проходило и часа, как она вновь открывала паспорт, чтобы удостовериться в наличии благословенного документа. А потом взяла на работе отпуск и купила билеты.

Вика думала, что за десять часов полета издергается от нетерпения. Но в итоге, едва усевшись в кресло, мгновенно отключилась и проснулась лишь при посадке в Торонто. Оставалось последнее препятствие – паспортный контроль. Перед отлетом начиталась на форумах страшных рассказов о том, что при малейшей неточности в ответах канадцы не впускают в страну. Но и здесь все прошло без заминок. Вдобавок ее чемодан приехал первым на багажной ленте, такси ждало у выхода в город, доставило ее без пробок по нужному адресу. После месяцев неудач сплошное везение казалось невероятным.

Машина остановилась у высокого красивого здания на пересечении Шеппард и Янг, где Вика сняла квартиру. Водитель-индус выгрузил чемодан и лучезарно улыбнулся, заработав щедрые чаевые. Взяв у консьержа ключи, Волина поднялась на восемнадцатый этаж.

Квартира была двухкомнатная, со спальней и гостиной, светлая и уютная. Главную ценность представлял изумительный стеклянный балкон, откуда открывалась сказочная панорама города. Вика скинула кроссовки и выбежала на импровизированную террасу, по-детски зажимая рот ладонью. Несколько минут она стояла, вцепившись в перила, ошеломленная, очарованная. А затем плюхнулась на мягкий стул и уже более спокойным взглядом окинула пейзаж.

Город утопал в зелени. Такое количество парков, садов и скверов в крупном мегаполисе потрясало. Деревья и газоны были повсюду, даже на крышах некоторых зданий. Необъятное зеленое море с волнами небоскребов и бегущими барашками автомобилей. Солнечные лучи разбивались о его малахитовую поверхность, дробились, рассыпались сверкающей зыбью.

У Вики перехватило дыхание, она едва не расплакалась от избытка чувств. Чтобы унять волнение, вернулась в помещение и принялась распаковывать вещи. Несмотря на длинный перелет и разницу во времени, усталости не чувствовалось и в сон не клонило. Приняла душ, переоделась, достала из футляра темные очки и вновь вышла на балкон. Слева между высотками застряла изумрудная пуговица круглого скверика; прохожих было мало, только две мамы, о чем-то беседуя, неторопливо катили детские коляски по узкой аллее. Справа, покуда хватало взора, тянулся частный сектор. Вперед бежала Янг-стрит – самая длинная улица в мире – и упиралась на горизонте в сгрудившиеся небоскребы даунтауна.

В первый день Вика гуляла до позднего вечера, жадно осматривая окрестности. Нравилось все: чистые тротуары, зеркальные стекла высоток, аккуратные двухэтажные таунхаусы, ровные газоны, странные скульптуры, расставленные в самых неожиданных местах, уют-

ные островки зеленых парков, наглые толстые белки, снующие под ногами. Когда стемнело, она перекусила в ближайшем кафе, заскочила в продуктовый магазин и вернулась домой. Уже изрядно клонило в сон, но, прежде чем лечь в кровать, еще полчаса постояла на балконе, взирая на ночной мегаполис. Город мерцал яркими огнями окон, светофоров и фонарей, иголка CN Tower переливалась красно-зеленым. «Надо будет посетить эту пресловутую башню, шутка ли – 447 метров над землей», – подумала Вика и зевнула.

Она находилась в Торонто уже четыре дня, но еще не ездила на Ниагарский водопад, специально оттягивая момент. Ей пришлось приложить массу усилий, чтобы добиться цели, проявить небывалую выдержку и терпение. И теперь, когда оставался последний шаг, Волина не на шутку разнервничалась. Ведь могло стать так, что вся эта затея, отнявшая уйму сил и денег, обернется ничем. Мысль была настолько болезненной, что Вика невольно поморщилась. Глупости! Нельзя проделать долгий путь и не получить награды. Завтра же, завтра же она поедет на Ниагару. А сейчас стоит пройтись.

Дождь зарядил надолго, но это не пугало. Вика была из той редкой породы людей, кому нравится любая погода. К тому же, как выяснилось, район Норф-Йорк, где она поселилась, наводнен русскими иммигрантами. Несколько раз Волина встречала вывески на родном языке и иногда улавливала русскую речь. Не для того она летела через океан, чтобы общаться с соотечественниками. Дождь разогнал прохожих, а значит, Вика могла спокойно бродить, не отвлекаясь на отголоски Родины...

Она спустилась на первый этаж в зеркальном, сверкающем лифте, пересекла просторный холл и вышла на улицу. Минуту колебалась, куда двинуться, и побрела на север, от центра. В Торонто направления объясняют, указывая стороны света. По такой-то дороге на юг, на перекрестке таком-то на восток. Как будто все поголовно носят с собой компас. То ли дело в Москве – куда проще. В сторону области, в сторону центра.

Для начала сентября было очень тепло. Вика обмотала кофту вокруг бедер, оставшись в одной футболке и бриджах. Как она и ожидала, прохожих не наблюдалось. Окружающая обстановка выглядела декорацией к фантастическому фильму – люди вымерли, планетой правят машины, а Вика – единственный человек на Земле. Нарушая воображаемый постапокалипсис, из магазина выскочила молодая китайка и быстро засемила по мокрому тротуару к метро.

Волина медленно брела по улице, изредка смахивая с ресниц назойливые капли. Длинные волосы висели тяжелыми прядями, одежда насквозь промокла, а кроссовки чавкали при каждом шаге. Наверное, со стороны она выглядела интригующе. Люди не любят осадки и всегда стараются спрятаться. Если бы Вика испытывала потребность в новых знакомствах, то знакомилась бы с теми, кто гулял по дождю. Не бежал, не торопился укрыться под крышей, а именно гулял, наслаждаясь унылой погодой. В таких людях меньше наносного, больше настоящего.

Рядом затормозила машина. Водительское окно опустилось, и молодой кареглазый парень спросил на чистейшем русском:

– Девушка, вас подбросить куда-то?

Вика с любопытством уставилась на незнакомца:

– А почему вы решили, что я русская?

Парень улыбнулся. У него были красивые белые зубы.

– Когда долго живешь за границей, довольно быстро начинаешь узнавать родные лица. Это во-первых. А во-вторых, для канадки вы очень симпатичная. Так что? – Он кивнул на пассажирское кресло. – Вас подвезти?

– Нет, спасибо. Я просто гуляю, – с сомнением протянула Вика. Парень был привлекательный, пожалуй, даже слишком. В Москве она бы обязательно дала ему и свой телефон, и в принципе. Но в Канаде... Зачем понапрасну дразнить себя? Она улетит, он останется. – Удачного дня, – более уверенно сказала она и отошла от бордюра.

Пройдя немного вперед, остановилась у открытой двери в кафе, откуда пахло травами и специями. Хотела зайти, но передумала. Через дорогу начиналась территория парка. Едва ступив на широкую аллею, Вика услышала позади запыхавшийся голос:

– Погодите!

Это был незнакомец из машины. Вика остановилась, позволяя ему догнать себя.

– Вы маньяк? – спросила она, едва он приблизился. – Преследуете меня. Ну скажите, скажите, что вы маньяк!

Парень рассмеялся. Смех у него был искренний, приятный; на щеках играли еле заметные ямочки.

– Простите, виновен. Но я никак не мог упустить такую красивую девушку.

Голубая, в мелкую крапинку рубашка красиво облегалa его спортивный торс. Вика на мгновение задумалась, а потом обвила его локоть и указала подбородком на убегающую между деревьев тропинку:

– Пойдемте?

Дождь прекратился. Сквозь хмурые плотные тучи все чаще проглядывало солнце. Незнакомца звали Алексей, ему было столько же, сколько и Вике – 27. Последние пятнадцать лет он жил в Торонто. Работал программистом, увлекался горными лыжами и прыжками с парашютом, часто путешествовал и в целом наслаждался жизнью.

– А я почти нигде не была, кроме России, – призналась Вика, расчесывая пальцами мокрые волосы. – Вроде и деньги водятся, а все не складывается с поездками. Знакомых масса, а отдохнуть не с кем. Однажды я психанула и рванула в Турцию в одиночестве. На третий день взывала от тоски.

– Но ведь в Торонто ты снова одна приехала? – осторожно поинтересовался Алексей. – А заскучавшей при этом не выглядишь.

– Сейчас у меня есть цель. Я хочу увидеть водопад. – Вика боялась, что ее признание вызовет у собеседника ироничную усмешку, но тот, наоборот, посерьезнел.

– У нас очень много общего.

– Да? Ты тоже хочешь увидеть водопад? – засомневалась Волина.

– Нет. У меня тоже есть цель, – он вскинул руки и посмотрел на часы. – Уже минут сорок как.

Вика рассмеялась. Хорошо, что ей подвернулся такой располагающий собеседник. Иначе бы она провела остаток дня, без конца представляя, чем обернется завтрашний день.

Они шли по парку, то и дело огибая выскакивавших на дорожку наглых толстых белок. Они не рассчитывали на угощение, а требовали его.

– Даже если бы у меня был орех, я бы им не поделилась, – призналась Вика.

Алексей с интересом покосился на нее:

– Почему? Ты не любишь животных? Или просто жадная?

– У меня рука не поднимется кормить и без того откормленную, довольную жизнью канадскую белку, когда русские – тощие, облезлые и несчастные.

Алексей рассмеялся, а Волина добавила:

– Вот кого бы я с удовольствием покормила – это енота. Но енотов в Канаде нет.

– Ты издеваешься, да? – протянул парень, не понимая, шутит его спутница или говорит всерьез. – Ты ведь в курсе, что Канада и еноты это практически синонимы?

Волина недоверчиво пожала плечами:

– Я раньше тоже так считала. И последние несколько дней усиленно разыскивала енотов. Облазила все кусты, даже у мусорных баков караулила – и ни одного не встретила. Полагаю, что у канадцев заговор против всего мира: они лгут, что у них водятся еноты, чтобы привлечь туристов. Ведь еноты такие милые и забавные. Каждый хотел бы посмотреть на них. А на самом деле никаких енотов тут нет.

Алексей резко остановился и согнулся пополам, упершись руками в колени.

– Что с тобой? – забеспокоилась Вика. – Тебе плохо?

Парень с трудом заставил себя разогнуться. Он беззвучно трясся от смеха.

Они погуляли еще немного, перекусили в ресторанчике, обсудили десятки малозначительных тем, единодушие в которых сближает незнакомцев. Андрей довез Вику до дома, заглушил двигатель и потянулся для поцелуя.

Целовался Алексей несмело, но чувственно. На какую-то секунду у Вики промелькнула мысль предложить ему подняться в квартиру, но разум эту идею отменил. Если секс окажется восхитительным, то, вернувшись в Москву, Вика будет страдать от невозможности повторения. К чему такой риск?

Она мягко отстранилась и ласково провела рукой по его щеке:

– Спасибо за компанию, Леша. Приятно было познакомиться, – и, не давая ему возможности опомниться или попросить номер телефона, поспешно выскочила из салона.

Перед сном она долго стояла на балконе, созерцая искристое полотно ночного города и невольно вспоминая недавнюю прогулку под дождем. При других обстоятельствах у них с Алексеем могло бы что-нибудь получиться. Сестра на ее месте вцепилась бы в парня мертвой хваткой и вытрясла бы из него предложение руки и сердца. В отличие от Риты, Вика на первое место ставила творческую самореализацию. Затем шли материальное благополучие, секс, здоровье, красота. Мифический муж ковылял где-то к концу первой десятки приоритетов. Заставить себя не фантазировать о новом знакомом было несложно. Мало ли хороших парней еще встретится на ее пути! В более удачное время. В более удачном месте. А белозубая улыбка и ямочки на щеках достанутся кому-то другому...

На следующий день Вика встала рано. В 9.30 утра с автовокзала на Bay Street отправлялся автобус к Ниагара-Фолс. Наспех позавтракала йогуртом и сладкой булочкой, бросила в сумку кофту и побежала к метро, благо ближайшая станция – Шеппард-Янг – находилась в пяти минутах ходьбы. На автовокзал приехала за десять минут до отправления автобуса. Билет купила заранее онлайн, так что в очереди в кассу стоять не пришлось. Заняла свое кресло и повернулась к окну, предвкушая приятную двухчасовую поездку и еще более приятный пункт назначения.

Какое-то время ее занимали мысли о вчерашнем знакомом, но к концу поездки исчезли. Приближался момент истины, и он был важнее всего остального.

Вика знала, что Ниагарский водопад – разрекламированная туристическая Мекка, призванная выкачивать деньги из любопытных путешественников. Знала, но все равно удивилась, увидев вместо дикой природы комплексы фешенебельных гостиниц и казино и огромное количество стоявших в пробке автомобилей.

Она спускалась вниз по улице, ведущей к смотровой площадке, и не могла избавиться от нехорошего чувства. Необъяснимый страх появился едва она покинула автобус, – и с каждым шагом усиливался. И так неуместна была тревога в этом райском, адаптированном для туристов уголке. Улочки утопали в цветах, пышная растительность дарила тень, фасады домов, сохранившие исторический облик, создавали иллюзию ожившего прошлого.

Впереди показалась туманная дымка. Все явственнее звучал рокот kloкочущей воды. Вика обогнула изгородь кустарника и увидела Ниагарский водопад. А точнее, три водопада, объединенные в одно чудо природы.

Глава 8

Синтезатор и электрогитару с усилителем и колонкой принесли спустя две минуты после озвученного Ильей требования. Похитители предполагали, что он согласится сотрудничать, и заранее подготовились.

Крестовский посмотрел на синтезатор. Последняя действительно хорошая модель фирмы «Roland». Простой, удобный, легкий, с благородным звучанием. Отличный выбор. Гитара – бесподобное «безладовое чудо» «Gibson Les Paul». Облегченный корпус из сплошного куска красного дерева, кленовая накладка ручной работы, позолоченная фурнитура. Кто-то там, за дверью, знал толк в хороших инструментах.

Илья отыскал розетку и подключил аппаратуру. Повесил гитару на шею, провел по струнам. Глухое дребезжание резануло уши. Бегло подкрутил колки, настраивая инструмент. Привычно пробежался по грифу, разминая пальцы. Взял первый несмелый аккорд. Затем второй. И вдруг сорвался на бешеное, виртуозное соло.

Как же он соскучился по этому кайфу!

Звук многократно отразился от стен и заполнил все пространство комнаты. Воздух задрожал от вибрирующей, осязаемой энергии. Крестовский на мгновение оглох и еще отчаянней рванул струны. Исчезли стены и неопределенность. Даже мыслей не осталось. Лишь звук – мощный, тяжелый, налитый яростью.

Илья стал наигрывать «Мракобесие» – песню с их второго альбома. Вообще-то изначально она называлась иначе. Но когда Крестовский впервые исполнил ее на репетиции, Мэт тут же подхватил ритм и разошелся не на шутку – едва тарелку не разбил. А потом заявил, что это полное мракобесие, а не песня. Так и привязалось. Без басов и барабанов мелодия звучала совсем иначе – не агрессивно, почти лирично. Оборванный аккорд жалобно взвизгнул. Илья замер, раздумывая, и начал играть другую мелодию.

Исполнял песню за песней, не доигрывая до конца. Перебирал весь репертуар «Waterfall», надеясь войти в нужное состояние – когда появляется зуд на кончиках пальцев, а в голове нарастает невнятный гул. В такие моменты неважно, что ты играешь. Мелодия рождается сама, выкристаллизовываясь из хаоса звуков. Сперва рубленные, несвязные ноты объединяются в стройные фрагменты, а те в свою очередь выливаются в сырую, но уже внятную схему будущей песни.

На несколько недолгих секунд Крестовскому почудилось, что его охватывает давно забытое творческое возбуждение. Он почти приготовился к тому, что пальцы заживут собственной жизнью, создавая уникальную мелодию. Он взял первый аккорд. И с ужасающей ясностью понял, что не слышит продолжения. В памяти всплывали тысячи чужих мелодий и десятки собственных, уже написанных. И среди всей этой мешанины не было ни одной новой.

Илья снял с шеи ремень и поставил гитару к стене.

На что он, собственно, надеялся? Что по заказу наклепает шедевр?

Кривая ухмылка растянула губы. Интересно, как поступят похитители, когда не получат желаемого? Неужели отпустят? Внезапно накатило чувство лихой, бесстрашной беспечности. Илья побился бы об заклад, что ничего дурного с ним не сделают. Убивать его не планируют – иначе бы не скрывали своих лиц и не заставляли надевать нелепую повязку. Да, его потрепали немного, но скорее всего в профилактических целях, дабы устроить. Кто бы там ни стоял за похищением, они хотели от Ильи довольно специфической вещи. Из чего следовали определенные выводы. Первый: преступники знали, кто такой Крестовский Илья. Второй: они имеют отношение к музыкальной индустрии. И если с первым выводом все предельно ясно, то второй наводил на новые вопросы.

Кому может понадобиться песня определенного жанра и стиля? Конкурирующей рок-группе или исполнителю? Продюсеру, продвигающему новую рок-звезду? А может быть, фанату, давно не получавшему свежего материала от любимой команды? Версии были неправдоподобные, под стать самой ситуации. Это же сколько нужно вложить денег и усилий, чтобы выследить объект, схватить его посреди улицы, привезти в подготовленное место и по первому же щелчку вручить дорожные, профессиональные инструменты? Кто бы ни организовал сие действо – с финансами он проблем не испытывал.

Илья задумчиво покрутил кожаный ремешок на запястье. На смену недавнему негодованию пришло любопытство. А чего он в самом-то деле расписывался? Положение у него необычное, но не трагическое. При известной доле воображения происходящее можно расценивать как приключение. Своеобразное, но все же приключение. Илья бы предпочел, чтобы события развивались более стремительно. Сидеть в четырех стенах удовольствие небольшое. Но кто знает, что будет дальше?

Крестовский с удивлением обнаружил, что улыбается. Впервые за последние двое? трое? суток настроение улучшилось. Хорошо, что он предупредил Марину – она не будет волноваться из-за того, что он не звонит и не берет трубку. Незачем ей дергаться понапрасну.

Илья пододвинул стул к синтезатору и сел, намереваясь поиграть в свое удовольствие. Других развлечений ему все равно не предоставили.

Будучи подростком, еще только начиная увлекаться роком, Илья задавался вопросом – не надоедает ли музыкантам год за годом петь одни и те же песни. Он не мог бы представить себя на месте исполнителя, вынужденного повторять осточертевшие композиции. Лишь после того, как отыграл с десятков концертов, осознал, что одна и та же песня каждый раз звучит по-разному.

Когда стоишь перед публикой, жадно ловящей твои движения и эмоции, внутри рождается особое чувство. Тебе хочется выложиться на сто процентов, заставить зрителей сходить с ума, тянуть руки вверх и орать от восторга. И становится неважным – старую ты исполняешь песню или только что сочиненную. Ты ловишь бешеную энергию зала, прорастаешь в нее каждой молекулой и выплескиваешь обратно со всей мощью, на какую способен. Ты не оставляешь себе ни капли. Ты опустошен. Но всего лишь на долю секунды, – пока новая, еще более грандиозная волна не обрушится на твои плечи, едва не сбивая с ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.